

На Карельском фронте
В Великой Отечественной войне
1941—1945
(личные воспоминания)

«Вставай страна огромная!
Вставай на смертный бой!»

На фронт

Наш эшелон, сформированный в Архангельске, мчался среди карельских лесов, болот и озер к фронту. То и дело мелькали опустевшие и безлюдные станции, полустанки и разъезды. Только были видны одиноко стоявшие в своих поездах и знавшие свое дело, с серьезными и уставшими лицами стрелочники, давая нашему эшелону «зеленую улицу». А в теплушках в это время, солдаты всех возрастов заводили знакомство друг с другом, завязывали между собой солдатскую дружбу. Ведь каждого ждала суровая фронтовая жизнь и тяжелые сражения с ненавистным, коварным и хитрым врагом человечества – фашизмом на поле брани. И кто знает, что ждет каждого из нас впереди? Но все до одного были полны решимости: как можно быстрее разбить и изгнать с нашей земли гитлеровские полчища и их сателлитов.

Наконец, эшелон, медленно подойдя к станции Зашеек, остановился. Это было в начале мая 1942 года.

Дружно и быстро выгрузились. Быстрым маршем, пройдя от станции в сторону около четырех-пяти километров, вошли в военный городок. Наш взвод минометчиков разместился в одной из отведенных нам комнат дома барачного типа. Городок был небольшой, но вместительный и состоял из десятка одноэтажных деревянных домов, с удлиненными коридорами в них и уже порядком почерневшими снаружи стенами из бруса, дома стояли на болотистой местности. Вдоль стен комнат пустовали наскоро сколоченные сплошные нары в один ярус. По всему было видно, что до нас здесь были бойцы и командиры, ушедшие по тревоге на фронт, а теперь мы заняли их освободившиеся места. Этот военный город был как бы резервом командующего армией – откуда фронты по мере необходимости черпали пополнения, поредевшие ряды в жестоких сражениях бригад, соединений и дивизий. И никто из бойцов не знал: на каких участках фронта будет сражаться.

На дощатых нарах не хватало всем места, да и на полу тоже, когда давали отбой ко сну, некоторым приходилось забираться под нары, там все же было свободнее и прохладнее. Кто был на нарах ложились все на один бок, тесно прижавшись друг к другу, и каждый час дневальный подавал команду в пол голоса: «Поворачивайся» - и все поворачивались, с облегчением растирая отлежавшийся бок и вытягивая из-под себя онемевшую руку. И так каждый час до подъема. Только лишь один старшина Борисов спокойно спал, храпя на пристроенных у стены под потолком нарах. Это по его приказанию они были воздвигнуты Евлампием Малыгиным, Михаилом Кокшаровым, мною и ещё одним бойцом, фамилии которого не помню.

Малыгину почему-то не нравилось его собственное имя «Евлампий», и он просил нас называть его просто Женя. Так и осталось это новое имя за ним и по настоящее время.

Наш миномётный взвод в основном состоял из архангелогородцев. Старшим был Толстиков, проживавший по Петроградскому проспекту между улицами Логинова и Попова.

Вдали от военного городка в полевых условиях, начиная от подъема и до отбоя, продолжали отрабатывать взаимозаменяемость номеров расчета и ведение огня из 52-х миллиметровых минометов. До этого в Архангельске, в местечке Цигломень, нас обучили и тренировали на 82-х миллиметровых батальонных минометах. Или как в шутку называли эти минометы – «самоварами». Так же усиленно тренировались стрелковому делу, ориентировке на пересеченной местности и ползанию по-пластунски. Так проходил день за днем, в тяжелых учениях помня слова Суворова: «Тяжело в ученье, легко в бою!».

По тревоге

И вот в двадцатых числах мая внезапно по городку разнеслась команда: «Тревога!!!».

Схватив вещмешки, пулей вылетели на улицу, строясь повзводно. Теперь уже по всему чувствовалось, что подошла и наша очередь выступать на фронт. Где-то и на каких-то участках нас ждут с нетерпением, чтоб пополнить поредевшие в смертельной схватке с врагом ряды.

— Смирно! – разнеслась команда и враз застыл строй.

— Нале-во! Шагом марш! – и в ту же секунду в голове колонны грянул духовой оркестр, исполняя походный марш. И в такт ему, чеканя шаг, шагал наш строй.

Нагоняя тучи, дул холодный северный ветер. По обе стороны дороги, шедшей к станции, простиралось унылое, серое болото и кое-где виднелись ещё не растаявшие, словно островки, плешины снега, да серели проталины в сумерках наступающей ночи. Никакой зелени!

А оркестр исполнял все новые и новые марши. Легко шагалось под обжигающим и пронизывающим холодным ветром, что даже не заметили, как подошли к станции Зашеек, где уже поджидали нас на путях два эшелона теплушек. Один должен был следовать на юг, другой же на север. Наш взвод минометчиков полностью занял теплушку в одном из Эшелонов, и мы с томительным нетерпением, ждали развязки – чей же эшелон пойдет на север и который на юг?

Всем хотелось на юг, там все же теплее, да леса кругом, легче скрытно маневрировать. А север – голые скалы, редкая карликовая растительность, никаких лесов, да вечно дуют холодные ветра с гололедом. Костров не разведешь, чтоб обогреться или обсушиться. Суровый север! Поэтому и велико было желание каждого бойца попасть на южные участки фронта. Но сие, конечно от нас не зависело: куда пошлют, туда и пойдём. Враг для нас был один, независимо от участка фронта – фашист. И где бы он ни был, его надо бить в хвост и в гриву. И к этому мы были готовы.

Мимо наших теплушек по запасным путям промчался одинокий электровоз. Все как-то притихли бойцы в двух эшелонах, ожидая развязки. Но вот слегка лязгнули буфера, чуть подались назад теплушки соседей, а потом, медленно и плавно, набирая скорость электровоз повез наших товарищей на север к Мурманску.

— До свидания, друзья! Крепче бейте фашистскую сволочь, так чтоб от гада пух летел и чтоб костей своих не смог собрать! – кричали мы бойцам уходящего эшелона.

— И вам тоже самое! Не давайте спуску фашистам! – отвечали они. – До скорой Победы!

Промелькнула последняя теплушка уходящего поезда, уносящего наших боевых ребят на фронт и как-то на душе стало немного грустно, ведь кто-то из них на поле брани сложит свою буйную голову, и отдаст молодую жизнь в смертельной схватке с врагом, и больше не увидит своих близких, родных и товарищей, а кто и калекой останется на всю жизнь. Кому-то и счастье улыбнется – с Победной вернется домой!

Через некоторое время к стоявшему нашему Эшелону подошел паровоз. Лязгнули буфера, затем пыхтя и отдуваясь, набирая скорость, он повез нас на юг.

Монотонно слышатся перестуки колес на стыках рельс, да явственно ощущается, лежа на дощатых нарах, подкидывание теплушки из стороны в сторону. Чуть в открытую дверь было видно, как мелькают верхушки деревьев, ещё не одевшиеся в зеленый наряд и низко, несутся над ними, гонимые ветром, серые тучи. Моросит и прохладно. А в теплушке, согретой солдатским дыханием, да от раскалённой «буржуйки», было тепло. Уже ночь. Спокойно и медленно засыпали бойцы один за другим, развалившись на нарах. Только один дневальный, бодрствуя, подкидывал в печурку дрова.

А фронт все ближе и ближе. Уже медленнее и осторожнее двигался наш Эшелон, задерживаясь иногда по несколько часов на каких-то разъездах среди вековых и высоких карельских лесов, стоявших сплошной стеной по бокам дороги.

На рассвете вторых суток, не доезжай до станции Лоухи двух-трех километров, эшелон остановился.

— Выгружайся! – прозвучала команда старшего по эшелону.

И мы, не теряя ни минуты выскочили из теплушек на бархатную зелень травы. На стебельках трав ещё свисали капельки росы и легкий ветерок, рассеивая тумане нависший над молодым и редким сосновым леском, уносил его в сторону. А под лучами восходящего солнца оживал свежий, зеленый наряд леса – все зеленело и цвело!

Только начали углубляться в сосновую рощу, как внезапно раздался чей-то громкий голос: «Воздух!». Быстро рассредоточиваясь и маскируясь под местность, застыли на месте. Только одно было плохо, что мы не были вооружены. Обещали, когда прибудем на передовую. Вот и притаились в кустах безоружные, наблюдая, как немецкие бомбардировщики приближались к пустовавшему эшелону. Но откуда ни возмись, на перерез фашистам мчались наши краснозвездные ястребки и, не приняв боя, стервятники скрылись. На первый раз все обошлось благополучно. Когда опасность с воздуха миновала, мы, не задерживаясь на месте, быстро углубились в лес. Вышли на какую-то извилистую узкую дорогу, надежно скрывавшуюся с воздуха могучими кронами деревьев. Местами лес как бы расступался, и дорога казалось широкой и светлой. Все чаще стали встречаться нам на пути и по сторонам в чаще леса большие воронки от авиабомб и тяжелых снарядов, разбитые и расщепленные деревья со свисавшими и снесенными верхушками, да свежие небольшие холмики у края дороги с захороненными воинами. Теперь уже мы шли по опаленной и израненной земле. Враг любой ценой хотел овладеть станцией Лоухи, чтоб перерезать мурманскую железную дорогу и, не дойдя до станции двух-трех километров, был остановлен и отброшен к поселку Кестеньга. А сейчас, когда мы спешим на помощь,

он, вновь овладев инициативой – рвался к станции Лоухт. Но на каждом километре враг встречал упорное сопротивление наших войск и продвижение его с каждым днем замедлялось.

Мы шли на выручку ещё необстрелянные и не нюхавшие пороху. Шли молча, с суровыми лицами, вглядываясь в израненную землю и в исковерканные деревья, и на душе становилось как-то тревожно и грустно при виде всего этого. Наводило какой-то ещё неведомый, не испытанный на себе легкий страх и печаль за свою судьбу и судьбу товарища, шагавшего рядом. Вот так-то может случиться с каждым из нас – кому-то оторвет руку, как у того могучего дерева сук, или снесёт голову, как у той сосны верхушку. Ведь мы шли на передовую, не испытав на себе рвавшихся вблизи снарядов и свиста пуль. Видели только в кино. А тут все будет по-настоящему, на яву! Да, война есть война, и без жертв не бывает, мы это отлично знали и понимали – только бы побороть первый страх в первом сражении, а там уже будет опыт. Так думал каждый из нас, шагая по израненной земле. И как бы угадав наши мысли, шагавший сбоку Толстиков, старший отряда, бодрым и громким голосом сказал:

— Не робейте, ребята! Выше голову держите! Нас всех не перебить, как не перебить каждое дерево в лесу – кишка тонка у фашистов! Мы ещё покажем им кузькину мать... и на чем стоит земля Русская!

От его бодрящих слов и набором крепких в адрес фашистов, сразу повеселели лица солдат и на душе стало как-то легче и за шагалось быстрее.

В полдень прибыли к месту назначения и расположились в молодом сосновом бору. Пришедший к нам офицер из штаба сообщил, что мы вступаем в распоряжение 80-1 морской бригады, где командиром был подполковник Чукарин, и тут же пояснил:

— Со вчерашнего дня на нашем участке фронта установилось затишье. Вы замените бойцов, павших смертью храбрых и выбывших по ранению, и также самоотверженно, не щадя своей жизни, будете отстаивать Честь, Свободу и Независимость нашей Родины!

Нас тут же распределили. Часть бойцов, в том числе и Тостикова, взяли в батальонную разведку. Пополнили I-ю и II-ю мин. роты батальонных минометов. Остальных – в мин. взвод ротных минометов, куда был зачислен и я. Это было примерно 25-27 мая 1942 года. Бригада в это время занимала оборону правее шоссе на дороге

Лоухи-Кестеньга. По левую сторону, включая шоссе, нашим соседом была 23 гвардейская стрелковая дивизия.

Плотно поев флотского борща и солдатской каши, нам разрешили с час-другой отдохнуть. Хорошо погретая солнцем земля так и тянула полежать на её зеленеющем бархатном ковре среди молодых сосен. Вытянув уставшие ноги и прикрыв рукою газа от лучей солнца, почувствовал, как сразу же по всему телу прошла приятная истома. Рядом со мной прилег Женя Малыгин, с которым мы были, начиная от Архангельска неразлучными друзьями и всегда ели из одного солдатского котелка. Характер у него был спокойный и уравновешенный, но больше задумчивый, говорил он мало. На лицо он был смуглым, вначале я принимал его за южного, но по его разговору и акценту он больше смахивал на нашего северного. И действительно, он оказался северянином родом из Мезени. И Мы с ним ещё крепче подружились, как не говорите – земляки. Лежали спокойно, каждый про себя что-то думал. Мои мысли полетели в далекий Архангельск, где осталась моя единственная мать, работала она санитаркой в госпитале. Я у неё был единственный сын. Отца не было.

...Как быстро сменилась обстановка! Ведь как будто ещё вчера я с напарником Шарухиным Андреем Ивановичем заливал в металлические кокиля корпуса ротных и батальонных мин, а теперь сам эти же отлитые мины обрушу на головы фашистов! Да, потаскали мы с ним «пятерки» с расплавленным металлом из-под желоба вагранки. Повертели пятипудовые кокиля, извлекая из них ещё красные, чуть застывшие корпуса мин. Нова собирали кокиля, заливали и выбивали, а металл все идет и идет – надо успевать его выбирать. Вытягивает руки. Жарко. Льнет к телу спецовка. Ручьем льет с лица пот. А фронт не ждет – требуется все новые и новые партии мин. Льем!

Все в напряжении, тяжело. Понимали, что и нашим товарищам, сражавшимся на фронте, ещё тяжелее. Духом не падали. «Все для фронта, все для Победы!» - был наш девиз, работая по 12-24 часов в сутки, не жалея сил. Были случаи, когда, вылив очередную порцию металла и возвращаясь обратно с пустым ковшом, вилы выскользывают из рук, сам не чувствуя этого. Сказывалась нехватка питания, да плюс к этому ещё жаркая и тяжелая работа.

... Война застала меня в командировки на Таганрогском судоремонтном заводе в литейном цехе. Там тоже, как и у нас, на «Красной Кузнице», формировали и заливали. Нас было четверо. Николай Акулов и Василий Здрецов выехали раньше срока по разрешению администрации обратно в Архангельск, а меня и Андрея Шарухина ещё оставили на

неопределенный срок. И только в начале августа 1941 года нам разрешили выехать из г. Таганрога. Положение на фронтах к сентябрю 1941 г. было тяжелое. Враг захватывал всё новые и новые районы нашей Родины и подходили к Москве. Появилось страстное желание непосредственно самому участвовать в смертельной схватке с врагом. Правда, было желание ещё участвовать в финской кампании 1939-1940 гг., но «белобилетников» не брали (так называли тогда непригодных по состоянию здоровья к службе в армии). Но в эту Отечественную войну я принял твердое решение: воевать! И вот в середине сентября я положил на стол военкому Октябрьского райвоенкомата свой «белый» билет и сказал: «Желаю на фронт!». Он внимательно просмотрел мой документ и сказал:

— Вы признаны негодными по 92 статье и освобождены от военной службы в рядах Красной Армии.

— Слух у меня стал лучше, - настаивал я.

— Тогда проверим.

И он вручил мне направление на комиссию.

Врач, осмотрев меня, долго колебался, но, видя мою настойчивость, написал: «Годен к нестроевой».

Военком, ознакомившись с медицинским заключением, спросил:

— В какие части желаете?

— Хочу сражаться на фронте!

— Туда направить не могу. Не обучен военному делу. – и, не много подумав, добавил – А в инженерно-технические войска желаете?

— А какое назначение этих войск? – в свою очередь спросил я. – Они принимают участие в сражениях?

— Они способствуют продвижению наших войск, строят мосты, переправы, укрепления, – ответил военком.

— Согласен!

И на моем новом билете теперь уже стоял штамп: «До особого распоряжения». И я ждал.

Вернувшись однажды в одиннадцатом часу ночи с работы домой, крепко уставший, не раздеваясь, прилег немного отдохнуть на кровать. Вдруг раздался стук в дверь. Посыльный из военкомата вручает мне повестку. В ней сказано: «Приказываю вам явиться 4 февраля 1942 года для отправки в часть, к 8 часам утра. По адресу: Пролеткулья, 2.»

— Наконец-то пришла долгожданная!

Матери дома не было, она ушла ещё до моего прихода на дежурство в госпиталь и вернется только утром, часам к десяти, когда меня уже не будет дома. Встав пораньше и составив записку матери, попрощался с соседями по дому и ушел на сборный пункт. Ребята собрались все молодые, рвавшие на фронт. Поговаривали, что направят нас в учебные отряды в г. Вологду или прямо в сражение под Ленинград. А попали в стройбат. И находились по близости от своего города. Таким неожиданным для нас поворотом дела мы были не довольны. Большинство из нас стройбатовцев, подали рапорта об отправке нас на фронт и только в середине апреля нас вызвали на комиссию. Из двухсот стройбатовцев только тринадцать оказались «счастливчиками», попавшими в список «номер один», что означало – маршевая часть, фронт! В их числе был и я.

Дальнейшие события развёртывались быстро. Через два дня за нами пришла машина и отвезла в Соломбалу, в баню. Помылись, одели военную форму и обратно на тех же машинах через город в Цигломень, куда тоже одновременно с нами прибыло несколько автомашин откуда-то с бойцами. Но одна из них была с бойцами, обслуживавшими аэродром в Кегострове, с которыми нас, стройбатовцев, и соединили в один взвод.

Построились в три взвода. Подошли офицеры и из их среды вышел капитан, окинув коротким взглядом строй и поочередно взмахивая правой рукой в сторону каждого взвода, сказал:

— Вы будете пулеметчиками! Вы – минометчиками! А вы – саперами! – и, обращаясь к стоявшим около него офицерам, добавил - Офицерам прошу принять взводы согласно моим указаниям!

Я находился в строю второго взвода. И с этого памятного для меня дня вся моя судьба в дальнейшем была связана с боевыми делами миномётчиков!

После двухнедельных упорных, непрерывных тренировок и учебы нас из Цигломени под духовой оркестр направили своим ходом на станцию Архангельск, где уже поджидал на путях пустовавший эшелон, доставший нас затем на станцию Зашеек, что в 43 км от Кандалакши, в военный городок. А теперь уже фронт рядом и изредка слышатся одиночные взрывы вражеских снарядов. Идет война. Так, вспоминал я, лежа раскинувшись и наслаждаясь ароматом сосен, свой путь до фронта.

На передовую

После короткого двухчасового отдыха нашему минвзводу вручили четыре ротных миномета с боекомплектом мин и каждому по трехлинейке с сотней патронов. Разбили по расчетам. В расчете, где я был подносчиком, первым номером назначили Клюкина, вторым – Мошникова. Мой друг – Женя Малыгин возглавлял другой расчет, где вторым номером у него был Павел Волков, а третьим – Семен Коломиец. Два других расчета вспомнить не мог, но хорошо помню, что Михаил Кокшаров был в одном из них третьим номером, т. е. подносчиком мин. Командиром взвода был младший лейтенант, высокий и молодой, только что окончивший училище и не нюхавший пороха, как и мы. Он с нами пробыл на передовой, но более месяца и отбыл в госпиталь по ранению и фамилии его я не запомнил.

Проверив оружие и подогнав амуницию, наш взвод, как боевая единица бригады, выступил к переднему краю обороны. Уверенно шагая по деревянному настилу, проложенному через большое болото, в нескольких метрах от озера, вышли на противоположную сопку и, углубляясь по тропинке, заметили одиноко стоявшего около землянки офицера. То был Рабинович – комбат отдельно-минометного батальона.

— Желаю вам успехов и быть стойкими в бою с фашистами! – напутствовал нас майор, когда мы проходили мимо него.

Извилистая тропка, шедшая вдоль склона сопки, вывела нас к болоту. Под ногами захлюпала болотная жижа. Намокли обмотки. Хорошо пропускали воду американские, коричневые ботинки, вспоминая недобрый словом союзников. Русские ботинки были бы добротнее, но их не было. Так прошагали около двух километров по болоту в 200-300 метрах от линии фронта мимо скрытых постов нашего боевого охранения и дзотов, вышли на другую сопку, где проходила шоссейная дорога Лоухи-Кестеньга. Здесь на обратном скате в течение двух дней соорудили себе добротную землянку с тремя накатами. А пока её сооружали, временно находились в землянке I-й стрелковой роты, несшей боевое охранение. Нашим соседом по левую сторону шоссейной дороги была 23 гвардейская дивизия. Наш минвзвод с I-ой стрелковой ротой находился на стыке двух соединений: 80-ой морской бригады и 23 гвардейской с. д. С этого участка фронта и началась наша боевая деятельность и вошли в непосредственное соприкосновение с противником: пристрелки и охота за каждым фрицем из своих ротных «самоваров» прямой наводкой. Набирались боевого опыта. Но и он в свою очередь не забывал и нас. Перед нами был сильный враг – дивизия СС «Норд». И мы были всегда начеку!

Шли дни, а серьезных стычек с противником ещё не было.

В условленное время два наших расчета вышли на поддержку возвращающихся из немецкого тыла 18 наших ребят разведчиков. При подходе к передовой они попали в засаду и завязался бой. Ротные и батальонные минометы немедленно открыли огонь по расположениям немцев, стараясь облегчить попавших в тяжелое положение разведчиков и дать возможность им выйти из кольца. Ребята дрались отчаянно, стараясь прорваться на нашу сторону, но фриц наглухо закрыл им выход, открыв сильный отсекающий минометно-артиллерийский огонь по нашей передовой. После короткого получасового боя нашим разведчикам не удалось выйти к своим. В их числе был и наш архангельский разведчик Толстиков, отдавший свою молодую жизнь за Родину. Начинаем терять своих боевых ребят, а впереди ещё много жестоких сражений. Во время этого боя вышел из строя и наш командир взвода мл. л-т. А дело было так. В то время, когда немецкая батарея открыла отсекающий огонь по тому месту, где должны, были проскочить наши разведчики, неприятельские мины стали рваться вблизи наших расчетов. Мл. л-т, дав команду выйти из зоны обстрела, побежал по минированной нашей тропке и наскочил ногой на противопехотную мину – раздался взрыв, и он упал с оторванной пяткой ноги, хотя боец боевого охранения его окриком предупредил: «По тропке мины!». Его отправили в госпиталь и больше его не видели. Вместо его новый командир мин. взвода стал мл. л-т Ерохин, которого я очень хорошо запомнил.

Через неделю после этого два других расчета вышли по тревоге в расположение I-ой роты, где боевое охранение сообщило, что в нейтральной полосе появились какие-то посторонние звуки и шорохи. Мы залегли, изготовив минометы к бою, но все было тихо. Мл. л-т Ерохин, немного выждав, сам решил проверить и уполз в сторону предполагаемого шума среди низкорослых молодых сосен, росшего на небольшом сухом пятаке среди болота. Проходят томительные минуты ожидания. Через некоторое время он возвращается с бойцом, который сказал:

— Не беспокойтесь. Это наш командир роты ушел в разведку с двумя бойцами и часа через два обещал вернуться. Вашей помощи не потребуется. Они удачно проскочили к ним в тыл. Мы осторожно снялись и ушли на свои основные позиции.

В 20-25 числах июля нас ознакомили с приказом Верховного Главнокомандующего т. И. В. Сталина «Ни шагу назад». Под этим приказом мы все расписались, понимая всю важность и ответственность за судьбу своей Родины. Враг был ещё силен и коварен, хорошо вооружен автоматическим оружием и непримиримым к врагу, биться до последней капли крови, не щадя своей жизни.

Улучив свободную минутку, собрались бойцы возле горевшего костра, от которого не было дыма, и оживленно беседовали меж собой по поводу приказа т. Сталина. Каждый высказывал свое откровенное мнение.

— Это нас многому обязывает. И правильно издал приказ т. Сталин. А то, что получается? Ростов освободили, а потом его снова отдали на разграбление фашистом. Так, пожалуй, и конца войны не будет. Уж драться, так драться! Бить его гада в хвост и гриву! И нам надо тоже быть стойкими и нечего с ним цацкаться, стоять насмерть и изгнать его с нашей Земли! – возбужденно говорил Семен Коломиец, подкидывая сушняк в костёр, уроженец из Каменец-Подольска и очень переживавшего за Украину, где остались его родные, стонущие под немецким сапогом, и не имея с ним связи.

Его напарник по расчету Павел Волков, уроженец из Вологодской области, сочувственно глядя на Семена и понимая его переживания добавил:

— Хватит отдавать фашистам наши города и села! Уже не так страшен враг, как его малюют. Есть у нас ещё порох в пороховнице, да и силенки тоже! Только вот, конечно, с трехлинейкой много не навоюешь. Пока патрон в патронник загонишь и сделаешь один выстрел, как он на тебя из автомата выпустит целый рой пуль, аж страх берет. Вот тут и войю. Автоматов бы гам, да скорострельных минометов бы, как у них «Ванюш», что частенько бьют по нам, тогда дело б было другое. Почесали бы их как следует!

— Так у нас «Катюши есть! Эта получше работает, чем ихний «Ванюша». Ты что забыл? – пояснил Женя Малыгин, обращаясь к Павлу.

— Это-то я знаю, что есть. Сам читаю газеты, как она наводит страх на фашистов на Центральных участках фронта. Только вот почему-то на нашем участке их нет?

— Не все сразу, будут и у нас. Мы и с этим оружием, что имеем, можем воевать умело. Только надо проявлять побольше хитрости и смекалки – тогда наше дело будет правое. Будут и автоматы, будут и «Катюши». Дай только срок. – Затянувшись из «козьей ножки» и выпустив очередную порцию дыма, Женя добавил – А у кого нервы слабые и вздумает драпать, того настигнет пуля заградотряда! – и для большей убедительности щелкнул языком.

— Лучше уж погибнуть в жестоком бою от немецкой пули, чем от своей! – убежденно сказал Мошников, помешивая ложкой в котелке варившуюся белку, которую он только что подстрелил.

Долго ещё беседовали у костра. И у всех что-то было свое наболевшее на душе, но у всех было одно общее мнение: «Ни шагу назад!» - давали клятву бойцы.

Сражение под Кестеньгой

Первое августа 1942 г. В этот день с десяти часов утра я заступил на двухчасовой пост вблизи своей землянки, в окопе. День выдался на славу. Ни одной тучки в синеве неба. Точно замороженные, не шелохнувшись ни одной веткой, спокойно стояли деревья и кустарники на склонах сопки, наслаждаясь теплыми лучами августовского солнца. Неимоверная стояла тишина на передовой. Только нет–нет, да и промелькнёт в воздухе знакомая фигурка рыжей белки, легко перепрыгивающей с одной ветки на другую, распушив свой пышный хвост в полете. Временем пробежит, шурша листвой, одинокая лесная мышь, и снова тихо.

Сменившись чуть раньше на 2–3 минуты, подсел к бойцам, сидевшим у землянки, и, свернув «козью ножку», закрыл. И в это время, точно в 12 часов дня фашисты внезапно открыли по нашей обороне артиллерийский минометный огонь. Над головой со свистом пролетел снаряд и, с грохотом разорвавшись на болоте в ста метрах от нас раскидал смертоносные осколки. Затем второй, третий... Два расчета быстро удалились к боевому охранению и заняли исходное боевое положение вблизи наблюдательного пункта мин. роты, что в 150 метрах от нашей землянки. Правее нас между сопками на болоте в районе 2 стрелковой роты и где находится дзот, вспыхнула сильная автоматно-пулеметная и ружейная стрельба, набирая силу. Все пришло в движение и заговорило языком огня.

В это время мл. л-т Ерохин по телефону получил приказ: «Срочно явиться в штаб батальона!». Выйдя из землянки, он медленно прощупывал своим взглядом каждого бойца, стоявших около него и думая про себя: «Кого же взять в сопровождающие?». Его взор остановился на мне.

— Дорогу в штаб батальона знаешь? – спросил он меня.

— Знаю, – ответил я – по тропке, мимо дзота.

Конечно, он и без этого хорошо знал, что я чаще и больше всех из мин. взвода выполнял обязанности связного и точно, и быстро в заданное время доставлял донесение в штаб отдельного–минометного батальона и связь с мин. ротами, в то время, когда миномётные расчеты отдыхали. Что даже хорошо меня знали бойцы стрелковой роты, стоявшие в это время, когда я проходил с очередными донесениями на постах боевого охранения и секретов, кивком и молча взаимно приветствовали друг друга. Хорошо знали и батальонные минометчики, у которых был частым гостем по поручениям.

— Там, нам кажется, не пройти. И немного подумав, добавил: – В случае чего и обойдем его. Пошли!

Быстро спустились по натопанной узкой дорожке вдоль склона сопки, выйдя на основную тропу. То впереди, то с боков, то сзади нас раздавались оглушительные взрывы вражеских снарядов и мин. Мы спешили, пригнувшись к земле, на встречу нарастающему гулу ружейной пулеметного и автоматного огня, внимательно оглядывая горизонт меж деревьев: не появится ли на нашем пути какой-нибудь фриц, чтобы убрать его с дороги. Все ближе был дзот. В ушах стоял сплошной гул и треск от выстрелов и взрывов, что мы едва улавливали команды какого-то немецкого офицера на своем языке и выкрики на ломаном русском: «Русь, сдавайся!». Но в ответ им из амбразур дзота наши бойцы отвечали ливнем пулеметного огня, сдерживая их прорыв. Не дойдя метров 200 до дзота, мы остановились.

— Придется обходить дзот правее! – сказал Ерохин.

— Тогда наш путь к штабу будет короче, но тяжелее. Там настила через болото нет, да и оно открытое.

— Черт с ним, что тяжелее! Надо спешить, а то отрежут нам путь! – выпалил комзавод.

И сойдя с тропки, ускоряя ход, стали продвигаться густым ельником, параллельно тропке в метрах ста от неё и вышли к болоту. Оно было узкое и как назло, ровное – ни одного деревца или бугорка на ней, что незамеченным тут не проскочишь.

— Вот он настил-то левее нас – сказал я и кивком головы показал в ту сторону, к которой шла тропа.

— Там не подойдем, – проговорил Ерохин, и приподняв голову, добавил, – придется проскакивать здесь. Видишь, как над этой переправой в воздухе около белой одинокой тучки летает немецкая рама-корректировщик. Они её контролируют.

— Вижу.

— Только бы улетела эта проклятая рама куда-нибудь, и мы бы там, на сопке, – уже вслух рассуждал Ерохин, внимательно поглядывая за ней.

А она все кружилась возле тучки, не залетая в неё. А время идет.

— Вот, сволочь, хоть бы ты сквозь землю провалилась! – зло выпалил Ерохин. Чую я, что она, пожалуй, нас подловит – уже было проговорил он и принял решение:

— Ждать больше нельзя! Проскакиваем короткими перебежками. Пошли!

И мы враз рванули, бежа рядом и поглядывая за рамой. Ноги вязли в болоте. Пробежав метров десять-пятнадцать, залегли, и в это время заметили, как рама пошла в пике в нашу сторону и в эту же секунду ударили шестиствольные минометы «Ванюш». Болото затряслось от сплошных взрывов, как в лихорадке. Я ещё плотнее прижался к земле, глубже натягивая каску, а он все бьет и бьет. Трясется болото, да от грохота взрывов стало жутковато, не по себе. Так пролежал секунду десять и, чувствуя, что ещё цел и невредим, решили определить места взрывов, осторожно приподнимаю голову из-под каски и вижу, что они рвались в 40-50 метрах, не долетая до нас. От непрерывных взрывов взлетали в воздух обломки настила, земли и куски деревьев. Постепенно улегся во мне первый страх и стал спокойнее, трезво оценивать создавшуюся ситуацию, ведь это было мое первое, что я находился под артогнем противника.

Младшего лейтенанта возле меня не оказалось. «Где он?» – думал я, лежа на животе и осматривая вокруг местность, пытаюсь увидеть его где-то рядом. Но его не оказалось. «И почему это он оставил меня одного, не сообщив? В таких обстоятельствах надо всегда быть вместе и чувствовать локоть товарища», – продолжал думать.

Его исчезновение меня озадачило. Отползаю к лесу назад, а над головой в это время постепенно нарастает гул самолетов фашистских стервятников с большими желтыми крестами на крыльях и так летали низко, что чуть не задевали верхушки деревьев, сбрасывая бомбы на сопку. Ну, думаю, если не найду Ерохина, то вернусь обратно к своим ребятам на сопку. Встал и побежал напрямик ельником и вдруг вижу... Мой командир, сидя на корточках под ветвистыми лапами большой ели, глядел вверх на пролетавшие стервятники и у него почему-то как в судороге тряслась нижняя челюсть.

— Вы ранены? – подбегая к нему спросил его.

— Нет! – ответил он. – Нам, кажется, не проскочить?!

— Можно проскочить. Но может быть, летая, чтоб они не залетели за эту тучу. Только придется долго выждать и ловить этот момент.

— Думаешь, что залетит?

— Да.

— Если будете придерживаться моего совета, то проскочим. Другого выхода нет. Вас ждут в штабе батальона.

Хорошо! Действуйте. – ответил он.

Тогда вернемся на прежнее место.

Обожди немного, я сейчас – сказал он и, сняв брюки, присел...

Глядя на него, и меня что-то за позывало. Он разрешил. После этого стало легче и вновь вернулись на прежнее место к болоту и притаились. К этому времени артобстрел переправы прекратился, а проклятая рама все ещё летала. Внимательно смотрю за ней. И уловив момент, когда она стала заходить за спасительную нам белую тучку, сказал: «Вперед!». И мы, что есть духу рванули через болото, не останавливаясь. Я бежал впереди, изредка поглядывая на Ерохина, как бы воодушевляя его, но он не отставал. Как только забежали в лес, ноги сразу же почувствовали твердую опору и бежать стало легче. Болото проскочили одним духом, сами не понимая, откуда у нас взялось столько силы. С обоих градом лил пот.

— Отдохнем, – на ходу предложил Ерохин.

— Ни в коем случае! А то вдруг эта проклятая рама засекла и снова скорректирует огонь на нас. Как можно дальше уйти из этой зоны! Выпалил я, не останавливаясь.

Метров через сто пятьдесят вышли на знакомую нам тропку, ведущей к штабу отдельно-минометного батальона, и пошли спокойнее. А позади, в полукилометре, где идет бой, постепенно затухала стрельба. На пути встретили, ошестинившуюся стволами, залегшую цепь стрелков и пулеметчиков. Некоторые из них стояли за толстыми стволами сосен, держа наготове трехлинейки. Сказав пароль и получив отзыв, мы через пару сотен метров подошли к штабной землянке, где уже нас поджидал комбат, майор Рабинович.

— Вас вызывают в штаб бригады, – сказал он Ерохину. – Следуйте немедленно туда!

— Разрешите мне, товарищ майор, взять с собой красноармейца Коновалова.

— Нет, - спокойной ответил он. – Дойдете один.

— А вы, – уже обращаясь ко мне, - вернётесь в свой мин взвод.

И я стал удаляться обратно по тропке к болоту, думая про себя, что теперь уже одному придется прорываться к своим на сопку. А что, если немец занял и контролирует болотный массив и как я буду один проскакивать? Тяжелые были мысли, но приказ есть приказ и его надо выполнить. А проскочить надо! Но не пройдя и шагов пятидесяти, как меня окликнул комбат, требуя вернуться.

— Тебе, пожалуй, обратно не проскочить к своим, да и что-то молчит наш дзот. Положение пока неясное. Вот что, пойдешь в распоряжение командира I мин. роты. Где его КП находится, знаешь?

— Знаю!

Взяв винтовку наперевес, устремился уже по другой тропке, в расположение I мин. роты, на КП. А мл. л-т Ерохин, в противоположную сторону от фронта, в штаб бригады. Через 5-7 минут, я уже был в маленькой и уютной землянке КП мин. роты.

— Сарай! Сарай!... Я – Волга! Я – Волга! – усиленно вызывал своего корректировщика с КП командир мин роты. – Все ещё нет связи! Молчит Сарай! – со злостью выпалил он связному, стоявшему около него. – Эх, связь, связь!

И тут он заметил меня. Я доложил.

— Оставайся пока здесь, при мне, – сказал он и, повернувшись к связному, потребовал соединить его со штабом батальона.

И в это время стали рваться вражески снаряды и связь внезапно прервалась.

— Срочно восстановить связь со штабом! – приказал он связному и мне.

Только хотели мы выскочить из землянки, как по нашей позиции I мин роты, противник открыл шквальный минометный огонь и вынудило нас задержаться. Фашисты стремились подавить огонь наших минометов, бывших наугад по его передовой, сковывая и не давая возможности им расширять прорыв. Среди вражеских разрывов отчетливо доносился до нашего слуха огонь наших минометов.

— Только бы не прямое попадание, а то накаты на нашей землянке тонкие и могут не выдержать – сказал капитан и быстро юркнул под свои нары.

Его связист, не теряясь, залез под столик телефонного аппарата, что стоял у окна и притих. Я же в свою очередь, прижался к стенке у выхода, присев на пол. От взрывов вздрагивала землянка, с накатов сыпалась земля. Со звоном разлетелись куски стекла из единственного маленького оконца по сторонам и несколько осколков от вражеской мины впились в стенку землянки. Жутко. На какое-то мгновение закрыл глаза от очередного близкого сильного взрыва. Ещё плотнее приседая к полу. И каждый в эту минуту, наверное, сжавшись в комок думал про себя: «Только бы пронесло, не задело».

Как только взрывы стали реже, мы сразу же выскочили на линию связи, ползя на животе и устраняя порывы. На полпути повстречались со связными из штаба, тоже по этой

линии. Взаимно убедившись, что повреждения устранены, они обратно в штаб, а мы – в землянку комроты.

— Есть связь со штабом, – сообщил капитан, как только вошли мы в землянку.

Он пытался снова связаться со своим корректировщиком, но всё было напрасно. Связи не было.

Несмотря на сложность обстановки, капитан мин. роты сохранял спокойствие и выдержку. В его голосе не чувствовалась нервозность и горячность, хотя в душе, конечно, все это переживал, не показывая нам виду. Мы это понимали и чувствовали себя увереннее.

Неожиданно в землянку вбегает, запыхавшись, командир II-ой мин. роты, обращаясь к капитану:

— Товарищ капитан, дай мне несколько бойцов, чтоб вынести раненых!

— Не могу дать. У меня тоже есть раненые и лишних бойцов нет.

Ив эту минуту телефонный звонок. Капитан взял трубку и внимательно выслушав, сказал: "Понял". Он обратился к командиру II-ой мин. роты:

— Комбат приказывает тебе и мне сняться. Занять новые огневые позиции в глубине обороны, – и немного подумав, добавил, – Ну, ладно возьми вот этого бойца из мин. взвода Ерохина, – указывая на меня.

— Дать больше не могу.

Теперь я уже стал в подчинении командира. II-ой мин. роты. Почти бегом мы спустились с сопки и к его КП, который находился тут же, но ниже, чем I-ое. Его КП не был похож на землянку, а больше всего походил на лесную избушку. Только вместо крыши был легкий бревенчатый накат. У открытых настежь дверей стояло несколько бойцов и в их числе был Борис Нестеренко, поджидавший своего командира. Нестеренко я ещё знал по стройбату. При распределении в бригаде, его зачислили во II-ой мин роту, и был, как он нам говорил: «Адъютант комроты».

Среднего роста, беловат и слегка заикался. Родом из Белоруссии.

В тот же день, позднее, когда отошли они на запасные позиции был ранен и лечился в госпиталях Свердловска. Об этом я узнал с его слов после окончания Отечественной войны в 1948 году, повстречавшись с ним в г. Архангельске, бодро шагавшим по Садовой улице.

В избушке КП на плащ-палатках лежало двое тяжело раненых: один на полу, другой на нарах. Я стал приготавливаться их выносить.

— Отставить! Их вынесут другие. Вот с этим бойцом будете прикрывать отход! – сказал повелительным тоном комроты, показывая мне напарника, стоявшего возле меня.

В трех шагах от КП начиналась крытая с огневыми ячейками для минометных расчетов. Напарник занял ячейку вблизи КП, а я в метрах пятнадцати от него.

— Без приказа не отходить! – сказал комроты и ушел.

Минометчики спешно снимаются с огневых позиций, оставляя нас двоих для их прикрытия. Еще раз проверяю магазинную коробку, расстегнул висевшие на ремне патронные сумку и примкнув штык, устраиваясь поудобнее, приготовился встречать фашистов. Пристально вглядываюсь в каждый бугорок, пенек и кустик своего сектора обстрела. То и дело в равных местах грохочут взрывы, то снова нарастает ружейно-пулеметный огонь вперемежку с автоматными очередями. А в районе II-ой стрелковой роты продолжается жестокое сражение с ротой пьяных фрицев, выступающих совместно с финнами, в полный рост. Психическая атака следует за атакой, стремясь любой ценой во что бы то ни стало пробить брешь в вашей обороне. Но наши стрелки и пулеметчики стоят насмерть, не отступая ни на шаг, перемалывала его в живую силу. Противник вводил всё новые и новые свежие силы. Гудит и стонет земля.

Томительно проходят минуты, а фашистов все ещё не видно. Мой напарник подошёл ко мне, обращаясь:

— Что-то долго ни даёт нам команды об отходе, а может быть они забыли про нас?

— Не знаю. Будет приказ – отойдем. Ты, лучше смотри-ка за своим сектором, а то прозеваем фрицев!

— А может перекурим? Что-то курить захотелось.

— Сейчас не время, хотя я и сам бы не прочь. Да обстановка не позволяет.

И он вновь занял свое место в ячейке.

Вдруг из-за леса прямо на нас вылетел фашистский бомбардировщик и пошел в пике. Ну думаю, сейчас от нас останутся рожки, да ножки, и быстро присел в ячейке, глядя из-под каски на пикирующий самолет. Вижу, как отрываются пара бомб, сверкая в лугах вечернего солнца бронзой и, со свистом и воем, несясь над головой, с грохотом рвались позади нас. В пике шел второй, третий...и все надо головой. Окрестность огласилась

мощными взрывами, ржанием лошадей и криком раненых бойцов. От всего этого стало жутко и страшно. Снова вынырнул из крытой траншеи в мою ячейку напарник, испуганно сказав:

— Бомбят хоз. взвод!

Захлопали одиночные выстрелы. Опомнившись и не сговариваясь, одновременно вскинули вмиг свои винтовки и стали поджидать очередного пикирующего бомбардировщика, как слышали с сопки, где находилась I-ая мин. рота, чей-то громкий голос: "По самолетам не стрелять!" С тяжелым сердцем на душе мы опустили винтовки и с недоумением посмотрели друг на друга.

— Что это такое? Почему не разрешают стрелять по самолетам? А? – с гневным голосом обратился ко мне напарник.

— Сам не понимаю! Ведь хорошая была мишень, как нас учили и можно было сбить, – ответил ему.

И вскочив обратно в траншею он вновь занял свое место в ячейке. Снова настороженно вглядываюсь в свой сектор обстрела: по-прежнему пока ничего не замечаю. Отбомбившие, они улетают, а вой бомб и грохот разрывов все еще стоял в ушах. Нет-нет, да и разнесется ржание раненых лошадей.

Через некоторое время осторожно поворачиваю голову влево, ища взглядом напарника. Но где он? Может что-нибудь с ним случилось? Еще раз проверив свой сектор и ничего не заметив, нырнул в открытую траншею и к его ячейке: его не оказалось?! Где он? Кинулся в КП – она пустая! Посмотрел по сторонам - не видно! «Что за черт!? А может был приказ нам об отходе, то тогда почему он не предупредил меня об этом и покинул позицию! А может сбежал, струсил?» – лезла одна мысль на другую. По правде говоря, я вначале растерялся, оказавшись один в такой ситуации: оставить позицию или выполнять приказ? Нет, не для этого я шел добровольно на фронт, обходя медицинские рогатки, чтоб самовольно покидать позиции. Окажись в эту минуту предо мною враг, не задумываясь, и без промедления принял бы бой! Снова, вернулся в свою ячейку и занял исходное положение.

"С час, другой – не уйду, а там решу, что делать. Может вспомнят. Каждый командир отвечает за своего бойца и беспокоится об нем, а я ведь для них случайный, как бы чужой. Другое дело, если бы я был при своем мин. взводе, думаю, этого бы не случилось" – так рассуждал я про себя, внимательно посматривая за горизонт. "Буду биться

до последнего патрона, но последний себе! – решил я. – Говорят, что из винтовки не застрелиться!? Проверим." Снял штык, приставил дуло к виску и пальцы легко достали до пускового крючка. Только для этого надо немного вытянуть шею. Потренировавшись несколько раз, стал спокойнее. Загнав патрон в патронник, стал поджидать врага, держа под прицелом подозрительные места.

Так прошло еще примерно с час – полтора. По-прежнему было спокойно. Солнце уже начинало клонить к закату. Лишь изредка раздавались одиночные взрывы мин и снарядов, да ружейно-пулеметный огонь вблизи сопки. Вдруг позади меня отчетливо заговорили наши батальонные минометы. Шура и как бы захлёбываясь, пролетели над головой мины и дружно рвались в стане врага. На душе стало легче. Значит вое в порядке! Теперь можно сниматься!

Выбравшись из траншеи и миновав пустовавший КП, выскочил под склон сопки, где выше была I-ая мин. рота, и, резко повернув влево, побежал короткими перебежками к своим. Пробежав с полкилометра, услышал отрывочные голоса на русском языке. Осторожно пошел на сближение. Меж толстых стволов сосен мелькали фигуры трех наших бойцов, среди них я узнал помковзвода I-ой мин. роты старшину Ольшевского. Они спешно грузили ящики с минами на подводу из землянки бое склада. Ольшевский – ленинградец, высокий и худощавый. Был общительным и веселым, его бойцы уважали и любили, да и рост его делал еще заметнее в отдельно-минометном батальоне – моряка Черноморского флота.

Он узнал меня и торопливо спросил:

— Ты ко мне? От кого?

— Сам пришел, товарищ старшина! Я коротко поведал ему историю своего приключения.

— Оставайся при мне и будешь в моем отделении, ни шагу от меня. – сказал он мне. – А сейчас быстро приступай к погрузке мин!

Дружно грузилась подвода. Отчаяннее всех был ездовой, лет около сорока пяти, коренастый и крепкий. В его цепких руках ящики с минами были словно игрушки. Но одна мина все же вылетела у него из ящика и боеголовкой ударилась о землю - взрыва не было.

Не бойтесь, это у меня не впервые! – сказал он, широко улыбаясь как ни в чем не бывало продолжал с тем же упорством грузить ящики. Эту мину из-за предосторожности

все же отнесли подальше в сторону. Использовать ее для стрельбы было нельзя, а вдруг боеголовка на взводе? Тогда быть беде: не будет миномета и прислуги.

Тяжело груженная подвода, миновав землянку комбат Рабиновича, остановилась на краю сопки, откуда взвод л-та Березовского вел отсекающий огонь по фашистам. Слева простиралось большое болото, через которое хорошо просматривалась наша сопка, где находились мои ребята из мин взвода и откуда я начал свой путь сопровождал мл. л-та Ерохина в штаб батальона. Там же была, державшая оборону, I-ая стрелковая рота. Правее было озеро и дорога, шедшая к стлани к нам в тыл. Та самая стлань, по которой в майские дни 1942 года мы шли на передовую ещё не обстрелянные и не нюхавшие порошу. Вот здесь-то и окопались на краю сопки минометчики л-та Березовского. Дальше отступить было нельзя. По ту сторону болота стоял заград. отряд.

Наши мины подоспели вовремя и минометчики усилили огонь. Я сразу же подключился к боевой работе расчета, поднося мины. Стало жарко, да и на душе спокойнее. Все же не один.

— Стой! - отдал команду своей батарее л-т Березовский.

— Откуда этот боец? – заметив меня, спросил он у Ольшевского.

— Взвода ротных минометов мин. батальона мл. л-та Ерохина – доложил он обо мне.

В эту минуту затишья по просьбе л-та я ему рассказал, как все было и как оказался у них.

— Окопаться! – скомандовал л-т Березовский.

И только начал я окапываться, лежа на боку, как в метрах пяти от меня впереди разорвался вражеский снаряд и что-то сильно ударило мне в грудь, стало тепле под гимнастеркой. Из раны на груди струилась кровь, а из горла при дыхании чувствовался запах толовой гари. Боец, лежавший правее меня в двух шагах, был мертв. Он даже не шелохнулся. От этого же снаряда осколки впились в правую ногу л-та Березовского, лежащего в трех метрах левее меня. Ротный сан: инспектор, наскоро перевязав нам раны, направил в санбат. Поддерживая хромавшего, л-та на правую ногу, мы вдвоем с ним направились в тыл по стлани. Войдя на сопку, нам преградили дорогу двое автоматчиков, вышедшие из укрытия – это был заград. отряд. Убедившись, что мы ранены, нас пропустили и показали в сторону кустарников, где поджидали подводы раненых. Л-т посмотрел на карманные часы: было семь часов вечера. Семь часов в напряжении, а усталости никакой!

Пока ехали на подводе, понемногу усиливалось кружение головы. После осмотра на операционном столе – усилилось и пришлось лежать не вставая. Ранение оказалось закрытым. Куда прошел осколок – в легкие или в брюшную полость? Оставалось не ясным. И они сказали: "Трое суток пищи не принимать» Так оказался я в санбате, а затем в госпитале родного Архангельска.

Три дня 80 морская бригада вела тяжелые кровопролитные бои с фашисткой дивизией СС "Норд" и финскими батальонами. Вражеская авиация все время висела в воздухе с рассвета до наступления темноты, нанося бомбовые удары по нашим позициям. Наши же штурмовики появились только на вторые сутки к вечеру. На четвертый день бригада сумела выбить противника и восстановить оборону на прежнем месте.

За это августовское сражение нашей бригаде хотели присвоить "Гвардейская бригада", как говорили нам потом командиры отделений взводов, но не присвоили только из-за имевшегося предательства. Им оказался – офицер, который был помощником командира I—ой стрелковой роты. По национальности - украинец. За несколько дней до наступления противника он взял автомат у командира I-ой стрелкового взвода, сказав при этом, что идет один проверять посты боевого хранения. Проверив все шесть постов, в том числе и пост, где на одном из них стоял Павел Дряхлицин – наш архангельский земляк из деревни В. Ладино, он незаметно ушел лесной чащей в сторону противника. Его возвращения ждали часа 2, но он так и не вернулся. Немедленно сообщили в штаб о ЧП. Конечно, больше всех переживал комвзвод, у которого он на время взял автомат. Его вызвали в штаб и больше не видели.

Оказалось, что помкомроты и ранее ходил к немцам под видом разведки и конечно уж передавал им данные о нашей обороне. Вот, почему, наверное, поговаривали меж собой солдаты, что фашисты точно накрывали все наши огневые точки и позиции с первой же минуты своего наступления.

Вся тяжесть сражения первого дня в основном пала на 2-ую стрелковую роту, которая самоотверженно, не щадя жизни, отразила все пьяные психические атаки в полный рост, следовавшие одна за другой и сумела перемолоть почти всю роту противника, не отступив ни на шаг.

не дрогнули они и на другой день, 2-ого августа, когда с утра на их поредевшую роту, фашисты бросили свежий батальон. Снова закипел кровавый бой. Не считаясь ни с какими потерями, фашисты методично вводили в бой свои свежие силы. Их атаки следовали за атакой. Упорно отстаивали наши ребята каждую пядь родной земли, но

слишком не равные были силы. Стойко сражались до последнего бойца и командира. Ценою больших потерь врагу все же удалось прорвать оборону только пройдя по телам героически павших смертью храбрых наших товарищей и продвинуться на 1,5- 2 км в глубину нашей обороны.

А в это время I-ая стрелковая рота, совместно с мин взводом, оказались отрезанными от своих основных сил бригады и, не имея связи, держали оборону. В эти тяжелые дни мин взвод оказался без офицера. После пятимесячного лечения по ранению в госпитале и вернувшись в свою часть, я пытался выяснить дальнейшую судьбу мл. л-ла Ерохина, но никто и ничего о нем не знал и не слышал. Так и осталось для нас, солдат, исчезновение Ерохина загадкой.

Несмотря на 5-6 кратное превосходство противника в живой силе и хорошо поддержанной авиацией и артиллерией, им не удалось развить свое наступление к станции Лоухи, чтоб перерезать стратегически важную для родины Мурманскую железную дорогу. И 80-ая морская бригада с честью выполнила возложенную на неё задачу. Враг не прошел.

В госпитале Архангельска

Вот и Архангельск! Как хорошо знаком он мне с детства, где прошли молодые ребячьи годы. С его очертаниями и силуэтами многочисленных деревянных домов, да немного каменных, раскинувшись вдоль набережной Северной Двины. С проворно снующими по ее водной глади катеров, винтовых и колесных пароходов. С ее низкими берегами, широкой и полноводной реки.

Пассажирский колесный пароход "Пушкин" доставил раненых с Левого берега к городской пристани. Я попал в госпиталь, где работала моя мать до своего отъезда в район на сельхозработы, о чем я очень сожалел, узнав от санитарки. Рентгеновский снимок показал, что осколок, пробив грудную клетку выше сердца, застрял в правом легком, внизу. В конце августа начались налеты фашистских стервятников на наш город, сбрасывая бомбы и зажигалки. Временами вспыхивали сигнальные ракеты шпионов, наводящих самолеты на цель. Население их вылавливало и обезвреживало этих иностранных наймитов. Особо отличались в этом вездесущие и бесстрашные школьники, активно помогавшие старшим в вылавливании шпионов и тушении зажигалок. В первом же налете на город, зенитчик сбили фашистский самолет. В это же время недалеко от Архангельска, в лесах, были сброшены и действовали вражеские парашютисты-диверсанты. После лечения меня направили в выздоравливающий батальон для несения караульной службы по охране различных

военных объектов в пределах города, в связи с не прекращающимися налетами на город вражеской авиации и действиями шпионов и диверсантов. Всякое движение по городу, начиная с 10 часов вечера и до 6 утра было запрещено и усилено патрулировалось. К Октябрьскому празднику по моему вызову приехала из района мать, и я стал чаще с ней встречаться. В канун нового, 1943 года меня выписали из госпиталя. Новый год встречал в теплушке эшелона, мчавшегося на фронт.

Снова в строю

Пробыв несколько дней в распределительном пункте г. Беломорска, меня на рассвете отправили на одной из попутных машин, следовавших в район дислокации 80 морской бригады. Ехали долго. И только к вечеру того же дня, когда начинало уже темнеть, подъехали к землянке комбата I-ого батальона. Часовой, проверив документы, разрешил войти в землянку. При свете керосиновой лампы за столом сидел комбат в окружении своих офицеров и о чем-то с ними совещался.

— Товарищ майор, красноармеец Коновалов прибыл из госпиталя в ваше распоряжение! - отрапортовал я.

— В какую часть желаете? – спросил майор.

— Хотелось бы к своим ребятам взвода ротных минометов.

— Такого взвода у нас уже нет, снят с вооружения и расформирован. Часть твоих ребят находится в I-ой роте батальонных минометов, а часть во взводе автоматчиков. А может быть желаешь артиллеристом 45 или 76?

Я задумался. Но узнав подробнее от офицеров, что большинство моих товарищей находятся в I-ой мин роте и тем более, что там же старшина Ольшевский и л-т Березовский, да и в автоматчиках есть друзья - заколебался.

— Выбирайте сами, куда желаете. Вам дается право, как вернувшемуся по ранению, - добавил комбат, заметив мою нерешительность.

— Прошу, товарищ майор, направить меня в I-ую мин роту!

— Хорошо. – И тут же позвонил он командиру мин роты капитану Третьякову о моем направлении.

Выйдя с провожатым-связным из штабной землянки, было уже темно. Шли по знакомой ему утопанной тропке среди мохнатых и рослых елей. Высоко в небе меж верхушек деревьев мерцали холодные звезды. Стоял крепкий январский мороз. Тихо. Только было слышно, как под ногами похрустывал снег.

Минут через десять были уже в землянке миномётчиков. В узком ев коридоре при свете коптилок встретил старшину этой роты Борисова со сверкающей на его груди гимнастерки медалью "За Отвагу" - за августовское сражение под Кестеньгой. Мы сразу же узнали друг друга, встретившись как старые друзья. Кстати, он тоже архангелогородец - и я, не пропустив случая, поздравил его с правительственной наградой. Он провел меня к командиру мин роты, поджидающего моего прихода. Тут же был незнакомый мне офицер.

Подробно ознакомившись с обстоятельствами моего ранения, капитан Третьяков сказал:

— Понимаю, что тебе очень хотелось бы во взвод л-та Березовского, но, к сожалению, у него все расчеты укомплектованы полностью. А вот в 3 взводе не хватает.

И обращаясь к младшему лейтенанту сказал:

— Королев, принимай пополнение в свой 3 взвод.

Так я был зачислен в отделение сержанта Ивана Семеновича Остапенко четвертым номером - подносчиком мин 82 мм батальонных минометов.

Тепло встретили бойцы и командиры в новом для меня взводе, наперебой расспрашивая о жизни и делах в тылу. А они в свою очередь рассказали о боевых делах бригады после моего ранения.

В землянку вошел и л-т Березовский со своим помкомвзвода Ольшевским, узнав о моем прибытии.

— Наконец-то прибыл! С выздоровлением! – поздравили они.

— Спасибо.

— Это нас с ним от одного разорвавшегося снаряда ранило в первый же день наступления фашистов, - пояснил лейтенант, окружившим нас плотным кольцом, бойцам.

— А вы-то долго пробыли в госпитале? – в свою очередь спросил я у л-та.

— В них не был. Отказался. Пробыл две недели в санбате и выписался, как зажили раны. Так значит, снова опять будем воевать вместе и бить фашистов?

— Как видите. Не зря вернулся в свою часть.

— Это приятно, когда возвращаются из госпиталей и санбатов свои ребята. Все обстрелянные и боевые. Не кланяются каждой просвистевшей пуле, не робеют, как в первые дни.

И обращаясь к бойцам, л-т Березовский добавил:

- Мы еще дадим фашисту скипидару под хвост! Правильно я говорю?
- Правильно, товарищ л-т – наперебой подтвердили бойцы.
- И почешем еще кое-какое место! – вставил старшина Ольшевский.

И мне как-то стало приятно и тепло на душе от такой первой встречи. И у всех было общее мнение: добить непрошенного гостя и изгнать его с нашей территории.

Но все же я в начале очень сожалел, что не попал во взвод л-та Березовского, так как мл. л-та Королева Николая до этой первой встречи не знал. Он принял командование взводом минометчиков после августовского сражения и в боях ещё не участвовал, окончив офицерские курсы. Он был родом из Вологды. В его разговорной речи улавливался вологодский акцент. Среднего роста. Слегка округловатое лицо. Всегда был веселым и жизнерадостным. И как оказалось впоследствии, он был душой своего взвода и роты, находчивым и храбрым командиром. Он всегда стремился быть на опасных участках и лично корректировал огонь своей батареи и роты, и всегда добивался неизменного успеха.

80-ая морская стрелковая бригада, после тяжелого августовского сражения под Кестеньгой, была переброшена на Ухтинское направление и находилась у озера Топозеро, заняв оборону. Озеро было широкое и большое, хорошо нами просматривалось и внезапность нападения противника, находящегося на противоположной стороне, была исключена. Бригада находилась как бы на отдыхе. Приводила себя в порядок, пополнялась живой силой и техникой. Упразднили отдельно-минометный батальон, придав каждому стрелковому батальону минометную роту. Наша мин рота была придана I-ой стрелковому батальону.

Находясь в этом районе, ни на минуту не утихала жизнь в бригаде. От подъема и до отбоя, кропотливо и упорно отрабатывали четкое взаимодействие всех подразделений: выброске десантов с аэросаней, защиты от химических атак, тактике ведения боев в лесисто-болотистой местности – всё это на лыжах. Без лыж никуда. Так за день намотаешься, что спали крепким солдатским сном после отбоя, не чувствуя ног. И все это время поговаривали, что готовят нас к решающим и серьезным боям, чтоб вывести Финляндию из войны, пока стоит крепкая и серьезным морозная зима, а весной мол, из-за слякоти и разливов будет уже невозможно. И мы готовились упорно.

В это время печатью сообщалось, что в начале марта 1943 г. к нам, в Москву, прилетела финская делегация от самого Маннергейма для переговоров о заключении мира.

— Учужали, наверно, собаки, что мы готовимся к большому зимнему наступлению, вот и прилетели сволочи. Не надо их так женить, чтоб впредь им было неповадно совать свой нос в нашу Советскую страну. А те захотели, видите ли, Великую Финляндию до Урала. Накось, выкусите! Видно, не от хорошей жизни стали просить мира, коль прилетели, – говорили меж собой солдаты.

Но переговоры, затянувшиеся до весны, и не дав положительных результатов, были прерваны.

Впервые в истории Красной Армии надеваем погоны

В середине марта 1943 года нашу бригаду перекинули вначале на машинах, а затем по железной дороге к станции Раменцы, что в пятнадцати километрах от станции Масельской и под покровом темноты, углубившись в лес, расположились в 3-4 км. от линии фронта на сопках. Нашим соседом слева, на близ лежавшей сопке была дальнобойная батарея резерва Главного командования. Участок в районе ст. Масельская и прилегающая к нему равнина справа, были самыми беспокойными, где чуть ли не каждый день проходили взаимные вылазки разведчиков по добыче и захвату "языков". И каждый раз эти операции незаметно заканчивались артиллерийско-минометной дуэлью. Иногда нашим собратям артиллеристам и минометчикам приходилось тяжело, тогда на выручку им приходили, притаившиеся на лесных дорогах "Катюши" и своими огневыми залпами накрывали батареи противника. И дуэль на этом прекращалась. Поэтому, с наступлением темноты нейтральная зона непрерывно освещалась ракетами, как с нашей, так и с его стороны. Приходилось все время быть настороже и наготове, находясь вблизи такого беспокойного участка фронта и быть бдительным. Ежедневно прокладывали контрольные лыжни вокруг своих подразделений и непрерывно контролируя их парными нарядами всю ночь и до рассвета. Каждые сутки менялся пароль и отзыв.

Прошла, неделя. Спокойно спали бойцы в землянках, погрузившись в глубокий сон. Не спали лишь дневальные, часовые на постах, да патрули, проверяя лыжню.

Внезапно почувствовав среди ночи содрогание стен и нар в землянках от близких разрывов вражеских снарядов. Сон как рукой сняло. Быстро схватив винтовки, каски и, одеваясь на ходу, выскочили на улицу и к своим минометам. Через несколько минут все подразделения бригады были приведены в боевую готовность, ожидая приказа. Крепчал ночной мороз. Стояли, ежась от холода, спросонья и переминаясь с ноги на ногу, чередовали с подпрыгиванием на месте, чтобы согреться. Мороз был не менее 40°. А по

сторонам в темноте то и дело у соседей к нам сопок раздавались яркие вспышки взрывов. Над первой, доносившейся до нас, стоял сплошной гул артиллерийской миномётной канонады и отблески вспышек, хорошо отражавшихся в небе. На широком участке фронта противник стремился прорвать нашу оборону. Но уже через час определились его основные удары — это в 10-13 км левее станции Масельской, второй - непосредственно в районе Масельской и третий - в 3-км правее станции.

Наш сосед на левом фланге 313 с.д. прочно удерживала, оборону, перемалывая живую силу врага. На правом фланге 17 финским лыжникам все же удалось проскочить к нам в тыл, но и они оказались отрезанными нами, сумевшими закрыть образовавшуюся брешь и восстановить свою оборону. На их перехват и вышел взвод автоматчиков нашего батальона, которые сумели к утру окружить финнов и всех до одного уничтожить.

По-прежнему еще не затихало сражение на левом фланге, где противник любой ценой хотел пробить брешь в обороне 313 с.д. и обстановка там накаливалась с каждым часом. И только к исходу дня залпы гвардейских "Катюш" внесли ясность в это сражение, поставив точку.

А вот в районе ст. Масельская положение сложилось не в нашу пользу. Противнику всё же удалось вклиниться в нашу оборону и углубиться на 500-800 метров, несмотря на стойкое и упорное сопротивление наших частей. По несколько раз бросались наши в контратаку, но все попытки выбить его не увенчались успехом. Положение осложнялось еще тем, что наша оборона на этом участке проходила по низко заболоченной местности и была как бы на ладони у противника и хорошо просматривалась.

На другой день к месту прорыва мимо нас стали подходить танки, подтягивалась с тыла артиллерия и поудобнее устраивались "Катюши". Чувствовалось, что готовится тщательная операция по уничтожению зарвавшегося противника и восстановлению обороны на прежнее место.

Прошла ещё одна беспокойная ночь. Морозно и холодно. День выдался солнечным и ясным. Болезною снега, искрящегося на солнце, резало глаза. Не шелухнувшись, точно замороженные стояли вековые сосны и ели и так тихо, как будто всё кругом вымерло и ничто не нарушало зимнюю дремоту карельского леса.

И вот в эту тишину внезапно врывается нарастающий гул наших краснозвездных штурмовиков, обрушивая свои бомбовые удары по позициям финнов. Сделав по несколько заходов, разворачиваются и улетают. Затем из всех калибров обрушивается шквал

артиллерийско-минометного огня, не давая времени опомниться противнику. После такой часовой работки пронесся огненный смерч "Катюш", и клубы черного дыма взвились над его обширной позицией, застилая горизонт, сея смерть в его рядах и уничтожая живую силу. И в это время, не теряя ни одной минуты, на широкий простор помчались наши танки, увлекая за собой бойцов. Они неслись наперевес с винтовками, как по вспаханному полю, перемешанному со снегом и кровью врага, огибая глубокие воронки. Красен и черен был снег. И ни один финн не ушел живой, получившие сполна по заслугам. Траншеи снова стали нашими и положение в районе ст. Масельской было восстановлено.

На этом участке мы впервые почувствовали мощь Советской Армии и умелой стратегии командования. Не все воевали грудью, как это было на многих фронтах и с одной винтовкой на троих. Теперь мы стали сильнее и вооружение лучше, чем год назад. Поднялся и моральный дух бойцов и командиров.

В течение полутора месяцев, пока находились вблизи передовой в резерве или как еще говорили "во втором эшелоне" таких серьезных сражений не наблюдалось. Только были лишь бои местного значения, когда надо было добыть "языка" или разгромить отдельные узлы его обороны. О чем иногда сообщалось в сводках Совинформбюро об «успешных операциях подразделений подполковника Чукарина. по разгрому опорных пунктов врага». Мы, конечно, знали, что это говорилось о нашей 80 морской бригаде, где командиром ее был подполковник Чукарин. Часто выходили мы на ночные операции по захвату «языка», поддерживая своим минометным огнем наших разведчиков. Только в одной из этих ночных операций я не смог участвовать из-за появившейся внезапно у меня куриной слепоты. Конечно, обидно было, когда товарищи уходили на боевое задание без меня. Даже неловко было, когда требовалось мне «по нужде» сходить на улицу ночью, то не мог выйти без посторонней помощи. Через три дня, благодаря врачам санбата, куриная слепота исчезла.

На этом же участке, в один из апрельских дней 1943 г., когда деревья уже скинули со своих вершин снежные шапки и под лучами солнца во всю затаяли снега, обнажая кое-где землю, нам впервые в истории Красной Армии вручили погоны. Получая их, каждый торжественно перед строем давал клятву: «Клянусь не запятнать честь русского мундира!»

Для многих в первое время, да и мне лично, как-то неприятно было носить погоны. Ходили и посмеивались, что мол теперь мы сами стали «золотопогонниками». Конечно, понять нас можно было, ведь мы росли и воспитывались в советское время и к золотопогонникам у нас естественно выработалось отвращение. Наши любимые герои

гражданской войны: Ворошилов К.Е., Буденный, Котовский, Блюхер и многие другие, ведь недаром сносили головы золотопогонникам, защищавшим интересы буржуазии. Об этом написано немало книг и снято фильмов. Но проходил день за днём, и мы постепенно привыкли к поганам. Стали как-то ещё более подтянутыми и требовательны к себе.

На медвежьегорском направлении

Сменив 65 морскую бригаду в мае 1943 г., мы заняли оборону в 36 км северо-восточнее г. Медвежьегорска. Наш I-ый батальон занял позиции вдоль мелководной речки Шучье, связывавшей меж собой небольшие озера, где по другую сторону её находился противник.

Местность в основном была низко—болотистая с преобладанием кустарниковой растительностью, по которой и шла грунтовая дорога Морская Масельга – Медвежьегорск, пересекая узкую речушку Шучье. Мост был взорван. И пользоваться нам этой дорогой не представляло никакой возможности из-за хорошо просматриваемой и контролируемой противником с их сопки. Поэтому пользовались только объездной дорогой, во вновь прорубленной в лесу правее.

Наша, мин рота скрытно сменила минометчиков под покровом надвигавшейся темноты, установив свои минометы в их ячейках. Во всех огневых позициях, траншеях, да и в землянках стояла вода несмотря на то, что ее непрерывно вычерпывали котелками и касками. С боков впереди огневых позиций стояли безмолвно обгоревшие стволы хвойных деревьев. Вся земля вокруг изрыта воронками.

— Ну и позиция! – Сказал мл. л-т Королев, покачивая головой и внимательно поглядывая по сторонам, своему промкомвзводу старшему сержанту Коптеву Александру, который был одновременно и командиром расчета, I-ого отделения. – Видно, что финн крепко давал им прикурить, как будто все вокруг вспахано хорошим плугом.

— Тут не только осколочными да фугасными, даже зажигательными минами шпарили. Посмотри, как пожжено все кругом. – пояснил Коптев, слегка заикаясь.

— Да, это место, как я вижу, хорошо пристреляно противником. Оно мне не внушает доверия и оставаться здесь на долгое время рискованно. Пожалуй, тут чуть что и костей своих не соберешь!

— А землянки-то какие, вы видели? – вмешался в разговор, стоявший рядом, командир 3-го расчета сержант Остапенко. – Все они рассчитаны на целый взвод. А если случайно трахнет какой-нибудь хорошенький снарядник, да ещё посредине, тогда что

будет? Так неужели они, которых мы сменили, не смогли для себя сделать добротные землянки для каждого отделения?

— Не так-то просто зимой рыть их. Да еще не забывай про маскировку. Ведь на белом фоне снега земля хорошо просматривается с воздуха, а это уже - демаскировка. Вот мы сейчас это положение можем исправить. Снегу нет. Думаю, что капитан будет не против и сменим эти позиции. – Сказал мл. л-т Королев.

Наступило первое утро. Тихо на передовой. Как всегда, бойцы заняты своим делом: вновь и вновь проверяют, надраивая и смазывая свои винтовки, минометы и мины. А в это время в землянке командира мин. роты капитана Третьяковки идет совещание с командирами взводов.

— Все замечания и мнения, высказанные вами, учтем. Но сейчас необходимо и немедленно с этих основных огневых позиций приступить к пристрелке минометов по ориентирам, - сказал капитан. – И это сделает взвод л-та Березовского, а остальные взводы установят свои минометы уже по ним.

Минометчики взвода л-та Березовского заняли исходное положение.

— Первому! Одной миной! Огонь! - отдал команду л-т.

И мина, со свистом вылетела из канала ствола с оглушительным выстрелом и описав в воздухе траекторию, взорвались чуть позади траншеи противника.

— Второму расчету! Одной миной! Огонь!

Вновь грянул выстрел.

Но в это время противник открыл, но нашей позиции беглый минометный огонь. Осколком мины легко ранило наводчика из второго расчета, которые вели пристрелку.

— Да, я теперь сам убедился, – подтвердил капитан, – надо срочно менять позиции и оставаться здесь больше нельзя! Хорошо ещё, что обошлось без жертв.

И спустился несколько часов, капитан Третьяков ушел с офицерами выбирать новые огневые позиции для батареи.

— Ну, товарищи бойцы, завтра с утра будем оборудовать новые огневые позиции с землянками для каждого расчета, – сообщил нам мл. л-т Королев, зайдя в землянку, возвратившись после ознакомления с местностью.

На обратном пологом скате небольшой возвышенности, тянувшегося вдоль болота среди мелкого кустарника, в течение трех непрерывных суток каждый расчет для себя отдельно оборудовал огневую ячейку с примыкающей к ней землянкой, прижимаясь вплотную к новой дороге слева. Зарывались глубоко в землю. Надежно перекрыли

землянки, толстыми накатами деревьев, а поверх еще на метр – большими камнями, что едва закатывали их всем отделением. Перекрыли и хода сообщений, связавшие меж собой все землянки с огневыми позициями и КП. Оставались лишь открытыми огневые ячейки минометов, затянутые защитными брезентами. Теперь уже не страшно нам было прямое попадание снарядов и тем более мин. В каждую землянку боевого расчета от КП протянули проволоку с колокольчиком. И по её тревожному звонку в течение 4-5 секунд занимали исходные боевые места, изготовившись к ведению огня. За эти трое суток не прекращалась и боевая деятельность мин. роты. Ежедневно уходили поочередно расчеты на боевое задание с различных позиций, вводя его в заблуждение.

Постепенно со временем оборудовали и газоубежище. Оно было большое и просторное, которое иногда служило нам и парикмахерской. Обязанности брадоброя в свободные минуты взял на себя снарядный второго расчета нашего III-его взвода Калашников. Родом из Сталинграда. Богатырского телосложения, веселый и общительный. Очень любил рассказывать веселые анекдоты с остротами и все житейские - заслушаешься. Лет ему что-то было около 46-48. Брил хорошо и быстро.

Был и свой камбуз. Поваром был, как он рекомендовал себя: "Ресторанный повар первой руки из Ялты!" – моряк черноморского флота. Худощавый, среднего роста и черноват на лицо. Фамилию его, к сожалению, вспомнить не могу, хотя и крутится на языке. Готовил по-флотски вкусно и хорошо, что пальчики оближешь.

Огня, как правило, с этих основных огневых позиций не вели, но все же они били пристреляны по всем шести ориентирам "под шумок", как любил говорить бывалый балтийский моряк капитан Третьяков. Делали это так: на разные запасные позиции выходило несколько боевых расчетов и одновременно по команде открывали огонь по передовой противника. По этой же команде пристреливался один из минометов с основной позиции, то есть получался как бы один залп, но с разных позиций. И когда "под шумок" миномет точно пристрелялся по ориентиру, тогда с него снимали буссоль огня для всей батареи.

Активно действовали только с запасных, которых было достаточно, не давай покоя врагу ни днем ни ночью. Это финнов злило, и они усилили охоту за нами, подкарауливая.

В один из таких дней наш взвод вышел на открытую площадку у озера с наклоном в его сторону и внезапно открыли беглый огонь, не окопавшись. Отстрелялись и на выюки, стремительно удаляясь кустарником, услышав "на колы» минометов с его стороны. Только успели пробежать метров 70-100, как начали рваться вражеские мины, там только что вели по нему огонь. Засвистели осколки. Благополучно вышли из зоны обстрела, но все же Затонский, подносчик мин, получил легкое ранение в руку.

И с каждым днем нам всё было тяжелее и тяжелее действовать, что едва уносили ноги, отстрелявшись.

Капитан Третьяков "пожаловался" комбату на финнов, |

— Мешают твоим минометчиком «работать», говоришь? Постараемся их проучить! – пообещал комбат.

В назначенный комбатом день, когда уже солнце начинало клониться к закату, наш взвод с тремя минометами и шестьюдесятью минами вышел на самую дальнюю запасную огневую позицию к дзоту, находившегося у кромки шоссе к Медвежьегорску на открытой местности. Установив минометы к бою и потренировавшись несколько раз по быстроте укрытия в дзоте, стали ждать команду, оставив у орудий наводчиков и заряжающих. Остальные укрылись в дзоте.

Комвзвод Королев, сообщив по телефону комбату о готовности своей батареи, отдал команду:

— Батарее! Десятью минами по фашистам! Беглый огонь!

Отстрелявшись, расчеты немедленно вбежали в укрытие по зигзагообразной и неглубокой траншее, оставив на месте минометы. И только успел заскочить последним заряжающий Забусов, как вражеская артиллерия обрушила огонь на наши позиции. От сплошных непрекращающихся взрывов задрожала земля и дзот от прямых попаданий. С потолка накатов посыпалась земля, попадая за шиворот. Ещё глубже натянули каски, прижимаясь к друг другу, присев по сторонам от амбразур, чтоб не задела осколки. А он всё сыплет и сыплет. Гудит в ушах от взрывных волн.

И вдруг всё это как-то прекратилось в один миг и стало тихо-тихо. Запах толовой гари щекотал ноздри. Вставая, стряхивая с себя землю, осыпавшуюся с наката. И тут мы отчетливо услышали, как с дальних наших сопок раздавалось разноголосое пение остальных стволов артиллерии и полковых минометов. Они накрывали ожившие огневые точки противника, огонь которых мы вызвали на себя.

— Ещё раз вызвать огонь на себя! – приказал комбат.

— По местам! – скомандовал мл. л-т, – Тремя беглыми огонь!

И вновь полетели мины, шурша в воздухе, на головы противника. И снова расчеты в укрытие. Проходит минута томительного ожидания, вторая, третья... А финны молчат.

— Проверить установки по ориентиру!

— Готово! – докладывают наводчики.

— Заряжающие остаются на месте. Остальные в укрытие! Двумя беглыми огонь!

Противник молчит и не отвечает.

— Сколько у вас осталось огурчиков? Запросил комбат.

- Пятнадцать.
- Плюньте ими ещё раз.
- Пятью беглыми огонь! – вновь отдал команду комвзвод.

И снова тихо.

— Вот сволочь! Молчит проклятый фашист! Со злостью выпалил мл. л-т Королев. – А надо тебя, б..., проучить как следует, чтобы знал наших!

Потом на лице его появилась легкая улыбка, по которой чувствовалась нескрываемая радость за наш общий успех с артиллеристами. Радовалась и солдатская душа, что наконец-то и им как следует дали прикурить.

Артиллеристы, не дожидавшись ответного огня противника на наш вызов, вновь основательно прогулялись по его огневым точкам батарей. После этого хорошо нам запомнившегося случая, мы вновь обрели свободу действий, гуляя по его обороне.

Как впоследствии установила разведка, противник, потеряв несколько орудий вместе с прислугами от прямых попаданий наших снарядов, сменил огневые позиции, убравшись к себе в тыл и подальше от передовой.

Бой у речки Щучье

День 9 июня 1943 года выдался на редкость солнечным и жарким. И так было тихо, что даже листочки кустарников не шелохнулись, точно замороженные, нежась на солнце, наслаждались ароматом прелой земли. Не слышно было чириканья вездесущих воробьев. Спокойным и крепким сном спали бойцы в землянках после ночного бодрствования, смены постов и дежурств, не раздеваясь. Внимательно и зорко несет службу боевое охранение, находясь всегда начеку. У минометчиков бодрствовали лишь дневальные, дежурные на КП, да скрытые посты, охранявшие покой мин. роты. Всё было тихо и спокойно. Казалось, ничто не предвещало плохого. Но обманчивой оказалось в этот день тишина.

И вдруг, нарушив тишину, среди белого дня взвод пьяных финнов-манергеймовцев с противоположного берега мелководной речки Щучье попытался проскочить её вброд и внезапно смять наш передний край обороны. Боевое охранение, принявшее первый удар на себя, встретило их автоматнo-пулеметным огнем. Быстро подоспели и рассредоточили по траншеям отдохавшие бойцы, в упор расстреливая прорывающихся к нашему берегу пьяных финнов. Подоспели и ротные минометчики, накрывая их в речке. Бурлит и пенится вода от пуль, осколков и взрывов. Падают подкошенные враги. Орут раненые в воде, барахтаясь и захлебываясь, взывая о помощи. Но никакой не дают им пощады наши бойцы и бьют без промаха несмотря на то, что вся наша передовая была под непрерывным огнем вражеской артиллерии и минометов. Одновременно по всей своей передовой он зажег

дымовые шапки, образуя дымовую завесу. Фронт, протяженностью около десяти километров пришел в движение. Бои завязались на нескольких участках, но главный удар, как впоследствии выяснилось, приходился на наш I батальон, прикрывавший дорогу Морская Масельга – Медвежьегорск.

По сигналу «Тревога!» поднялся весь передний край нашей обороны. Все моментально пришло в движение. В считанные секунды минометчики заняли боевые места, изготовив минометы к бою.

— Ориентир «Шторм»! – немедленно отдал команду командир нашего расчета сержант Иван Семенович Остапенко.

— Миномет к бою готов! – доложил наводчик ефрейтор Иван Бигдан.

— Беглый огонь!

— Есть беглый огонь! – ответил заряжающий Забусов, опуская в канал ствола Забусов, принимая от меня, снарядного, одну за другой, заранее приготовленные мною для различных ориентиров дополнительными зарядными, а то бы не успеть было. Подносчик Затонский то и дело подносит ящики с минами, унося пустые. Наперебой грохочут залпы из девяти стволов мин. роты, ведя сокрушительный огонь по врагу и отсекая их от основных сил и не давая возможности подбрасывать свежие силы к месту прорыва. Незамедлительно открыли беглый огонь и артиллеристы, накрывая своими залпами ожившие огневые точки батареи противника и подавляя их. Далеко разносится с места сражения автоматнопулеметная трель, да сплошной грохот взрывов снарядов и мин. Все летит вверх тормашками, застилая собою горизонт. Разгорается бой. Упорно лезут финны на пролом стараясь во что бы то ни стало выбить нас с занимаемых рубежей.

Наблюдательными пунктами обнаружено большое скопление живой силы противника в лощине. Батальонными минометчиками дается новое задание: накрыть и уничтожить их!

— Стой! – раздается команда и враз три батареи мин. роты прекратили огонь.

— Правее ноль двадцать! Дальше четыреста! Заряд шесть! – дается одна за другой команды.

— Готово!

— Огонь!

И снова наперебой заговорили стволы минометов, выбрасывая рой смертоносных мин. Пошел второй час сражения, а бой не утихает. Спешат на выручку автоматчики, стрелки и пулеметчики резерва, пробегая мимо нашей батареи. Подтягиваются с тыла свежие силы. Накались стволы минометов. Ездовые подвозят всё новые и новые партии

мин. Жарко. Палит солнце. Влажен от болота воздух. Душно. С лица градом льётся пот. Огня не прекращаем.

Финские артиллеристы все же нащупали наши огневые позиции и их снаряды стали рваться в расположении взвода л-та Березовского и вблизи батарей 2 и 3 взводов, не долетая метров 50-100. Но по-прежнему все наши батареи вели беглый огонь, не останавливаясь. По-видимому, это и ввело противника в заблуждение, что, дав очередной артналет, его снаряды со свистом пролетая над нашей головой уже рвались позади нас в болоте.

И только к вечеру бой прекратился. Снова стало тихо.

— Отбой! – прозвучала команда на батарее.

И сразу почувствовалась большая усталость, жажда пить и курить. Постепенно в теле спадала напряженность многочасового боя. И не удивительно, ведь только одна наша мин. рота обрушила на головы противника полторы тысячи мин и при этом не имела никаких потерь от вражеской артиллерии. Это прежде всего сказалось удачным выбором основных огневых позиций командованием.

Четкое взаимодействие всех подразделений бригады решило успех сражения. Врагу так и не удалось пробить брешь в нашей обороне и развить наступление по шоссе к Морской Масельге. Пытавшиеся проскочить речку в брод так и остались лежать в ней. Скопившаяся живая сила противника в лощине была частично уничтожена и развеяна. Не удалось им в этот день и на других соседних к нам участках.

Активная оборона

С неделю после того, как отбили попытки врага прорвать нашу оборону, было относительно спокойно. Только чаще стали летать над нами его самолеты-разведчики, да пристреливаться артиллерия, стараясь нащупать наши основные позиции мин. роты. Но мы с этих позиций огня не вели. Только по-прежнему активно действовали, выходя по несколько раз в день, открывали огонь батареи с запасных, а их было шесть, вводя все время его в заблуждение. И это нам удалось.

Через некоторое время враг вновь активизировал свои действия и притом нахально: выкатит два орудия среди белого дня и прямой наводкой бьет по нашим дзотам и траншеям передовой. Отстрелявшись, быстро исчезал. На другой раз она вновь появилась, но уже в другом месте, и отстрелявшись опять исчезала. Тогда командование перед мин. ротой поставило задачу: «Подавить и уничтожить артиллерийские расчеты!»

И мы начали охотиться за ней, ежедневно выходя одной батареей. Но враг тоже был хитер и появлялся там, где мы его вообще не ожидали. Отстрелявшись, быстро

скрывался в кустарниках, и мы били уже по пустому месту. Его батарея, казалось, была неуловимой. Стало ясно, что одному мин. взводу это было не под силу и стали выходить попарно расчеты от каждой батареи, предварительно разбив его участок обороны на три сектора обстрела.

Караулим сутки, вторые и только на третьи в полдень заметили дежурившие корректировщики, как он выкатил из кустарников две короткоствольные пушки и сразу же открыл огонь по нашей передовой. Только успели они сделать по два выстрела, как минометчики 2—ого взвода обрушили на его батарею шквал фугасных и осколочных мин, что даже не успел смотать удочки. Тут же подключились, добивая его, I-ый и III-ий мин. взвод. Уничтожена вся оружейная прислуга и фугасными минами добивали одиноко стоявшие пушки, превращая их в металлолом.

Задание было выполнено. Так проучили мы его за нахальство, которое он делал среди белого дня. И пока мы стояли на этом Медвежьегорском направлении у речки Шучье почти до самой зимы, он больше не бил, по нашей передовой прямой наводкой.

На этом участке мы всегда держали активную оборону и были хозяевами положения и как говорится: «Свободно гуляли» по его передовой, на давая ему покоя ни днем ни ночью.

Однажды осенью

Во всю надвигалась осень. Появились первые заморозки и уже время от времени стало подпорошивать землю снежком, а мы всё ещё с весны не меняясь держали оборону на Медвежьегорском направлении. Перед нами был серьёзный и опасный противник – финны. Они хорошо ориентировались в лесисто-болотистой местности, так как ещё с детства росли и воспитывались среди этой дремучей природы и отлично владели лыжами. И нам, конечно, пора было готовиться к боям в зимних условиях. Неугомонный и хлопотливый старшина роты Борисов уже подбросил нам своевременное теплое обмундирование и лыжи с полужесткими креплениями – полупокон. Но лыжи ещё надо было смолить самим. И их смолити поочередно каждое отделение для себя вдали от передовой в овраге, где начиналась объездная дорога.

Наше 3 отделение в роте было замыкающим, и мы терпеливо ждали своей очереди в натопленной землянке. Чтобы скоротать время, мы решили с сержантом Остапенко сыграть в самодельные шашматы, вырезанные мною из тонкоствольной березы, а ефрейтор

Бигдан, присев около нас «болел». Затонский и Забусов, полулежа на нарах вели непринуждённый разговор, вспоминая довоенную, мирную, жизнь.

Не успели доиграть партию, как в дверях объявился старшина Борисов и обращаясь к Остапенко сказал:

- Забирайте свои лыжи на просмолку и быстро шагом марш!
- Пойдет Бигдан, Забусов и Коновалов – отдал приказ сержант Остапенко.

Мы подошли вовремя, когда уже 2-ое отделение нашего взвода заканчивало просмолку лыж, поджидая нас с кипящей смолой над костром. Старательно втирали в полозья разгоряченную смолу паклей, доводя её до блеска. Вскоре к нам подошел писарь нашей мин. роты Васильев со своими лыжами. Дружно закончив всё это мы поудобнее устраивались на сухих валежниках вокруг костра, закручивая «козья ножки».

— Эх, как хорошо, хоть немного и спокойно посидеть у костра, когда тебя никто не тревожит! – воскликнул Забусов, присаживаясь и прикуривая от головешки.

— Да, такое счастье выпадает редко, - поддержал разговор наводчик Бигдан, с удовольствием потирая руки над костром. Он был у нас единственный некурящий в отделении. И немного подумав, как бы в шутку добавил:

— А то у нас всё так, как говорил цыган: «Тильки ляжешь – пидымайсь! Тильки встанешь – пидравняйсь! И всё бегом! Скорей! Быстрей! – и сам засмеялся, заражая нас своим смехом.

— Да, браток, ничего не поделаешь. Война есть война. Вот разобьём Гитлера, тогда и отдохнем. И никто тогда нас не будет тревожить и поторапливать. Сам себе будешь хозяин. А пока война, - с задумчивым видом, глядя в костер, сказал Васильев и тут же носком ботинка подтолкнул скатившуюся горящую головешку обратно к костру.

— Вдруг что-то насторожился Бигдан, ведя ухом. Мы смолкли.

— Что такое? – не вытерпев, шепотом спросил у него Васильев.

— Тихо! – сказал Бигдан, слегка приподнимаясь и стал прислушиваться. – Какая-то музыка с передовой.

И мы, затаив дыхание, тоже стали прислушиваться. Действительно, по лесу издали разносился приятный нашему слуху мелодичный вальс «На сопках Манжурии».

— Это финская установка играет, - пояснил Васильев. – Для начала он завлекает нас своей музыкой, а потом начнет брехать про райскую жизнь у себя. И, как всегда, начнет нас агитировать, чтоб мы переходили на их сторону.

— Это уже нам давно знакомо, ещё по Кестеньгокому направлению, где ухитрялся пускать по ветру, дувшему в нашу сторону, аромат своей кухни. Помните наверное? Да и не раз это было, - вспомнил Бигдан, обращаясь к нам.

— Ну как не помним! Ох и приятно тогда нам щекотало ноздри. «Только как все это ему удавалось делать?» - спросил сидящих Забусов.

— А черт их знает. Я так лично не задумывался над этим – ответил, как бы за всех Бигдан.

— Только зря он время тратит на нас. Им не найти дураков среди нас, чтоб изменить своей Родине и пусть не надеются! – продолжил Забусов.

И тут я невольно вспомнил эту песню, которую очень любил петь ещё в молодости до войны, призывавшую нас отомстить за павших русских солдат на полях Манчжурии.

— А может споем, пока он её проигрывает и не начал своей брехни? Все же песня наша, - предложил я.

— А почему бы и нет!? – поддержал Забусов, - хоть вспомним наших отцов и дедов, сложивших свои головы за Русь!

— Споем! – почти хором ответили Бигдан и Васильев.

И мы вчетвером тихо запели в такт доносившейся до нас мелодии.

«Тихо вокруг, ветер туман унес

На сопках Манжурии воины спят...»

Но пропеть до конца её не удалось из-за нашего опоздания. Потом ещё проиграв пластинку на мотив «Саратовских частушек», противник перешел к агитации.

— Наверное, наши уже подготовились и ждут команды чтоб накрыть эту финскую говорильню, - только проговорил это Бигдан, как наши батареи открыли по ней огонь.

И мы снова уселись у костра, докуривая «козьи ножки».

— И какими только путями он не старается нас одурачить, даже листочки-пропуска придумал, сбрасывая их ночью с самолетов.

И тут Забусов, посмотрев в сторону говорившего Васильева, улыбаясь пояснил:

— Я этой листовкой как-то однажды по нужде применил, да она что-то жестковатой оказалась, словно спицами начинена...

— Ха-ха-ха! – раздался дружный хохот.

— Вот бы после этого листовкой им нос утереть. Вот здорово было бы! – задорно смеясь, добавил Бигдан.

— А что? Утром, да ещё как! – вставил Васильев.

Уже смеркалось. Постепенно наступала темнота. Догорал и костер. Пора было возвращаться на передовую.

В конце ноября или в начале декабря 1943 года, когда во всю стояла настоящая русская зима с крепкими морозами, нас сменила та же 65 морская бригада, которую мы до этого сменяли. Находясь на коротком отдыхе у озера близ поселка Айталамба нашу 80 морскую бригаду, свели с 65 морской бригадой в одну дивизию и присвоили номер 176. Наш I батальон вошел в состав 55 полка, где командиром её стал подполковник Синенький, а комбатом нашего батальона майор Ломов.

Вскоре после реорганизации мы сменили части, державшие зону вплотную подходившей к станции Масельская с правой стороны. Сама станция была нейтральной и среди разрушенных зданий одиноко возвышалась водокачка. Жителей в ней не было. Перед нашими траншеями простиралась широкое и ровное болотное поле, занесенное снегом. А ещё правее, вдали от нас, между опушками леса с неподвижно на путях одинокие паровозы, изрешеченные осколками и пулями. С наступлением темноты эта местность усиленно освещалась ракетами с обеих сторон. За время нашего пребывания на участке серьезных стычек не было. Зато активно действовали разведки с обеих сторон и приходилось быть всё время начеку. Вот здесь, на этом-то участке, при свете коптилок в землянке я был принят в кандидаты партии, а через три месяца после этого стал её членом.

На Масельском направлении

Весна набирала силу и всю затаили снега, обнажая землю. Дни стояли пасмурные и сырые. Кругом слякоть и грязь на дороге, что даже насквозь промокали американские желтые ботинки и в них хлюпала вода. И вот в такую раскисшую весну, в начале апреля 1944 года, наш батальон вновь занял оборону у станции Масельская, но только правее в трёх километрах от неё и как раз напротив подбитых паровозов, находившихся в нейтральной зоне. Этот участок вклинивался в оборону противника и близко подходил к ней.

Местность была низкая с преобладанием кустарников, как на Медвежьегорском направлении, частично открытой и болотистой. В траншеях, огневых ячейках и землянках непрерывно накапливалась вода, хотя мы её и вычерпывали. Все наши огневые точки хорошо пристреляны противником, а оборудовать новые из-за заболоченности не представляло возможности. Днём ходить было небезопасно, действовали наверняка снайперы. Здесь мы были скованы, как говорится по рукам и ногам, и огонь со своих минометных позиций вели редко. Зато она часто беспокоил нас и точно накрывал, как

только мы откроем огонь. Появились потери в мин. роте. В этих случаях всегда выручали нас своим огнем артиллеристы и полковые миномётчики, находившиеся позади нас за сопкой, не давая разгуляться батарее противника по нашей мин. роте. Вся эта местность хорошо просматривалась и контролировалась противником, в том числе и тянувшаяся вдоль склона сопки железнодорожная магистраль Мурманск-Ленинград через станцию Масельская.

Срываем планы противника

За два дня до празднования I-ого мая, л-т Королев (теперь он уже имел звания лейтенанта), собрав свой взвод в землянке, сообщил:

— Противник численностью до двух рот в ночь на I-ого мая хочет внезапным ударами с флангов атаковать наши позиции, намереваясь взять нас в мешок и уничтожить. Они хотят повторить точно такую же операцию, которую им удалось проделать здесь же на этом участке, в марте прошлого года. И как вы знаете им это частично удалось, и это стоило больших усилий нашим частям, чтоб взять обратно эти позиции. И чтоб этого не повторилось, командование ставит нас об этом в известность заранее и для его отражения будут приняты все меры. Поэтому на всякий непредвиденный случай, а противник может и изменить свой план, т.е. выступить раньше, с сегодняшнего дня будут дежурить круглосуточно на своих огневых. позициях по два расчета, меняясь третьим у минометов наготове. о Вопросы есть?

— Товарищ л-т, - вставая, обратился командир 2 отделения сержант Гавриленко, — это хорошо, что заранее нас поставили в известность и что противник хочет нас трепануть. Только вот как это вы узнали, ведь мы здесь все участники многочисленных боев и все они были для нас внезапными? Так ведь?

— И в большинстве случаев. да, но то, что я сейчас вам говорил – это по данным нашей агентурной разведки. Могу вам добавить, что у нас имеются точные данные с численности противника, находящегося в обороне против нас, в том числе наличие солдат в отделениях, взводах, ротах и батальоне и чем они вооружены. Точно также их фамилии и воинские звания всех командиров различных подразделений. – И тут же л-т Королев, достав из полевого планшета блокнот, стал нам зачитывать фамилии и звания командиров отделений, взводов, рот и батальонов.

Не скрою, что это на всех бойцов и командиров отделений, находившихся в землянке, произвело большое впечатление, что так хорошо работает наша агентурная разведка.

— Вот это здорово! – не выдержав, сказал один из сидевших бойцов I отделения. Если бы мы все заранее знали, как сейчас, то давно бы разгромили фашистов!

— Не надо забывать, что и противник в свою очередь засылает к нам своих агентов и диверсантов. И если бы их не было у нас, то безусловно война бы давно закончилась. - Добавил л-т.

— А это верно, товарищ л-т, - сказал Калашников, - когда я позавчера ходил на полевую кухню за обедом для своего отделения и только проскочили открытый участок, как он прокричал в рупор: "Сегодня вам на обед щи из квашенной капусты с мясом, а на второе - каша пшенная!" Мы даже посмеялись, что он просто так врет этот финн. А когда пришли на кухню, то действительно были щи и каша. Так что вся передовая знала уже, какой нам приготовили обед.

— Вот потому-то мы и должны, находясь здесь на передовой, быть вдвойне бдительными, - закончил л-т Королев.

Незамедлительно нас обеспечили достаточным количеством боезапасом мин. Вообще-то для мин. роты пускали лимит, по которому разрешалось использовать в сутки 15 мин и не более. Правда у нас в наличии на огневых позициях был ещё и НЗ по 100 шт. на миномёт, но его разрешалось использовать только в случае внезапного нападения противника или по каким-либо другим чрезвычайным обстоятельствам. На фронте все может быть, чем черт не шутит, и порох надо было держать всегда сухим и в достаточном количестве.

С наступлением темноты, в ночь на 1-ого мая, л-т Королев и командир отделения корректировки ст. сержант Сафаров Юлий отправились в район предполагаемого прорыва на передовую. Автоматчики и пулеметчики уже заняли боевые места в ячейках и траншеях. Было темно и тихо.

Устроившись поудобнее и облокотившись о бруствер траншеи, лейтенант Королев и ст. сержант Сафаров стали внимательно и пристально наблюдать за прилегающей к ним местностью в темноту, прислушиваясь. По-прежнему было тихо. Л-т спокойно посмотрел на часы, где на едва виданом неосвещенном циферблате стрелки неумолимо двигались к двенадцати. Через некоторое время они заметили осторожно и медленно ползущих к нашим траншеям вражеских солдат. В штаб полетело донесение: "Видим подползающих к нам финнов!"

— Подпустите их поближе; - спокойно ответил комбат Ломов и, взяв ракетницу, вышел из штабной землянки. На какое-то мгновение он остановился, посмотрев, в сторону передовой, где пока еще стояла обманчивая тишина, которую вот—вот он должен бы её нарушить.

— Без десяти двенадцать, - сказал он стоявшему рядом своему начальнику штаба.

— Пора! - ответил тот.

И сам комбат, уверенно подняв ракетницу, нажал на пусковой крючок, и в небо со свистом вылетела комбинированная ракета, рассыпаясь на множество цветов. И в эту же секунду вся, передавая огласилась сплошным треском от автоматных-пулевых очередей. Загремели выстрелы минометных и артиллерийских батарей. Взвились шипя, осветительные ракеты, освещая поле боя. Завертелась огненная колесница среди ночи, сея смерть врагу.

— О, Русь сволочь! – Неожиданно для Королева крикнул финн, находившейся до этого не замеченным сбоку в метрах 15, что даже л-т невольно вздрогнув, слегка отшатнулся, как будто он словно прокричал в ухо. И финн, поднявшись для броска в сторону л-та, был тут же сражен метким огнем автоматчика, стоявшего рядом.

Противник, развертываясь и накапливаясь перед нашими траншеями для атаки к 24.00, не ожидал для себя, что мы его опередим почти на десять минут и встретим его во все оружие. Для них это была большая неожиданность. И понесся большие потери после многочасового боя, противник отступил, вернувшись обратно к своей обороне, попутно прихватив раненых и часть убитых.

С наступлением рассвета нами обнаружено еще около тридцати вражеских трупов. А финн, который хотел броситься на л-та Королева, но вовремя был сражен нашим автоматчиком, оказался офицером. Среди трупов обнаружено двое тяжело раненых с признаками жизни. Это были для нас ценными "языками" и за ними весь день вели неослабное наблюдение. И как только стемнело, за ними сразу же уползли наши разведчики. Уже возвращаясь обратно с "языками", они были близко к нашим траншеям, как заметили, что к тем же местам, где лежали раненые, быстро подползли финские разведчики. Тогда наши просигналили огоньком фонарики три раза, что означало: «Прикройте! И пулеметчики сразу же открыли отсекающий огонь с флангов по финнам. Все разведчики благополучно вернулись с тяжело ранеными «языками».

Так провалилась хорошо продуманная операция противника, чтоб разделаться в нами в ночь на 1-ое мая, но ничего у него из этого не. Вышло, и он сам получил от нас сполна за свою авантюру.

Все эти дни были объявлены «сухими». И только 3-ого мая, когда командование было уверено по данным нашей разведке, что враг оставил нас в покое, нам разрешили пригубиться к живительной влаге «наркомовского пайка», который к этому времени предостаточно скопилось нас во флягах.

Однажды вечером, в середине мая, командир нашей мин. роты к-н Третьяков, изрядно хватив хмельного, решил самостоятельно добыть «языка» и ушел на свой КП. Как раз в это время дежурил командир отделения корректировки ст. сержант Сафаров. Узнав о намерении к-на, он пытался его отговорить, но тот упорно настаивал на своем.

— Я докажу, как надо добывать «языков» и без всякого шума, и «язык будет» в случай чего прикроешь меня своим огоньком, – обращаясь к Сафарову, сказал к-н, надеясь на свой успех и выскочив из дзота, быстро пополз в сторону противника по нейтральному полю, сплошь усыпанному минами.

Посты боевого охранения, заметив уползающего офицера, немедленно дали знать об этом офицера боевого охранения. Тот, выяснив обстановку, сразу же послал вслед уползающему к-ну двух автоматчиков и одновременно сообщил о случившемся комбату Ломову. Комбат объявил по батальону «Тревогу!».

Автоматчики, настигнув капитана, предложили ему вернуться, но он упорно лез вперед. И только тогда, когда ему преградили дорогу, он подчинился и повернул назад. Это хорошо видел и неприятель, надеявшись на легкую добычу, но, когда увидели, что счастье им не улыбнулось – открыли по нашим огонь. Пришлось нашей батарее ввязаться и ослепить противника. Капитан и двое автоматчиков благополучно вернулись невредимые.

— Когда наш капитан опустился в траншею и, увидев перед собою комбата, сразу же протрезвели, - рассказывал нам Сафаров. – И его прямо о передовой в штаб полка для передачи в Ревтрибунал.

После этого случая больше своего капитана Третьякова мы не видели. Мы, конечно, очень переживали и жалели своего боевого, находчивого и не знавшего страха капитана и надеялись на благоприятный исход. Ещё до Отечественной войны он служил на Балтийском военном флоте и очень любил петь песни про Балтику. Мы часто пели его любимые песни в строю, когда были вдали от передовой на отдыхе. Вместо него назначили командиром мин. роты капитана Петранюка. Родом, кажется, он с Урала. И как потом мы впоследствии узнали, что к-на Третьякова оставили при штабе полка по хозяйственной части.

Вскоре в нашу мин. роту влилось двое молодых ребят вместо выбывших по ранению в госпиталь. При первом же знакомстве с ними они нам прямо сказали: «Мы не

хотим братоубийственной войны и воевать не будем. Или убежим, или при первом же случае сдадимся в плен.» Они объяснили свою принадлежность к религиозной секте, веря в свою правоту и неизменность взглядов. Об этом хорошо знало и командование полка, надеясь, что мы их перевоспитаем. И сколько наш брат не убеждал их изменить свои взгляды, они все равно стояли на своем. Да ещё плюс к этому надо было все время посматривать за ними, чтоб не наделали чего или не убежали. Все это нам надоело, и мы добились от командования, что бы их убрали от нас.

Вместо этих двух неразговорчивых и угрюмых фанатиков, дней за десять до нашего наступления, к нам прибыло веселое пополнение: две молодых жизнерадостных девушки. При виде их повеселели лица солдат, да и у командования мин. роты тоже. Всё же, как ни говорите, соскучился по ним мужской пол, да велик был соблазн для нашего брата. И командование нас предупредило, чтоб мы не вздумали заводить с ними шуры—муры, а относились как товарищ к товарищу, боец к бойцу. Чтоб не было неприятностей, им выделили отдельную землянку, куда вход мужскому полу был запрещен. Одна из девушек – это была Маруся, попала в наш 3 взвод второго отделения сержанта Гавриленко. Её назначали вторым номером - заряжающим. С ними стало как-то веселее, да и на суровых лицах солдат стали чаще появляться улыбки и приветливость. Одновременно с ними прибыли в наш батальон три девушки-снайпера.

С приходом капитана Петранюка меня из снарядного перевели в отделение корректировки и разведки старшего сержанта Сафарова Юлия. Моряк Черноморского флота. Кавказец. Из племени ездит. Его отделение непосредственно подчинялось командиру мин. роты и состояло оно всего из трех человек: Сафарова, Коптева и Коновалова. Ст. сержанта Коптева Александра зачислили в отделение Сафарова как опытного корректировщика, имевшего богатый опыт и часто принимавшего активное участие по наведению огня батарей. Коптев был слегка рыжеватый, низкого роста, говорили скороговоркой, быстро, слегка заикался, но понятно. Но за два дня до нашего наступления на Масельском направлении в наше отделение по направлению из штаба полка вошел молодой боец (фамилии не помню), а Коптева обратно помкомвзводом к л-ту Королеву. Вновь прибывший молодой боец тоже был низкого роста, беловат на лицо, худощав, но подвижный. Уроженец, кажется, был из Вологодской области. Погиб он в боях за Поросозеро 7-8 июля 1944 года, когда он вплавь добирался через реку Суна, чтоб корректировать огонь с острова, но пуля фашистского снайпера оборвала ему жизнь.

В наступление от станции Масальская

Прорыв обороны

В любую минуту мы должны быть готовы к решительному наступлению. Недалек час и день, когда и мы на своем участке фронта от обороны должны перейти к решительному наступлению по изгнанию врага с нашей земли. Когда конкретно – будет приказ, – сказал командир мин. роты капитан Петранюк, собрав нас, корректировщиков, в своей землянке. – Если до сегодняшнего дня мы вели непрерывное наблюдение за противником только с одного НП, то с завтрашнего дня с двух пунктов дзота и вышки.

С утра 19 июня согласно указаниям к-на Петранюка мы разошлись по наблюдательным пунктам. Сафаров с вновь прибывшим из полка бойцом расположились во вновь построенном нами неделю назад дзоте, вдавшегося немного вперед на болото в сторону Масальской. В случае, если противник откроет огонь из дзотов – ослепить его, а при малейшем обнаружении его живой силы – немедленно накрыть и уничтожить». В его распоряжение выделено две батареи из шести стволов.

Я знал пост вблизи КП мин. роты на вышке среди зеленеющих молодых березок и елей в 600-700 метрах от финской обороны. Она была высотой метров 5-6 и с неё хорошо просматривался его передний край обороны невооруженным глазом. С заданием: «При появлении финской батареи в ориентире «Полянка» - накрыть и не давать ей возможности вести огня по нашим позициям. Засекать вновь ожившие огневые точки противника или ранее неизвестные и немедленно сообщать их координаты». Мне была выделена одна батарея из трех стволов.

С этой «Полянки» противник, часто появляясь внезапно, бил из пушек прямой наводкой по нашим траншеям и дзотам I стрелковой роты.

Медленно вожу биноклем вдоль его обороны, внимательно вглядываюсь в знакомые уже мне очертания их траншей, дзотов и проволочных заграждений. Все как будто пока на месте и тихо. Изменений не замечено, но за «Полянкой», особенно за прилегающей вокруг к ней кустарниками, смотрю зорко: не шелохнется ли какая случайно ветка и не вспорхнет ли какая-нибудь встревоженная птичка. Проходит час, второй, третий... Стоят наготове минометчики, ожидая команды. Беспокоится и к-н Петранюк, запрашивая то меня, то Сафарова по телефону и каждый раз при этом добавляет: «Смотрите внимательно» не прозевайте!».

Чуть в стороне и позади «Полянки» внимательно прошупал ствол сосны, её ветвистую крону, где до этого находится вражеский корректировщик, обосновав НП. Его все же выследили, и наш земляк архангелогородец Дряхлицин Павел Осипович из своего

ручного пулемета РПД уничтожил. А дело было так. Из-за каменистого грунта траншея боевого охранения в одном месте почти выходила на поверхность. И этот отрезок пути находился под прицелом снайпера и минометной батареи. Естественно, участок был опасным, и мы несли потери. Наши снайперы все же выследили вражеского снайпера и уничтожили, а вот корректировщика так и не могли обнаружить, а время шло.

— Так дальше, пожалуй, не пойдет. Надо найти этого проклятого корректировщика и уничтожить, а то нас многих так не досчитаться! – сказал Дряхлицин своему отделенному командиру, как только сменился с поста, переживая за своего погибшего товарища.

В свободное от дежурств время они вдвоем с радистом сержантом Новиковым, который при себе все время носил рацию, выходили на поиск вражеского корректировщика. Но им все, уже который раз, не удавалось его обнаружить, хоть тресни! И вот однажды, а это было за несколько дней до нашего наступления, они вновь просматривали внимательно передний край вражеской обороны. И тут Дряхлицину не вооруженным глазом показалось, что-то подозрительным на одном из участков соснового леса чуть в глубине его обороны. Он попросил бинокль у Новикова.

Тщательно приглядываясь к каждой высокой сосне, он остановил свой пристальный взгляд на одной из них, где сбоку вдоль ствола едва проглядывались какие-то короткие темные черточки. «Скобы» - подумал он.

— Товарищ сержант! Посмотрите-ка сами, если я не ошибаюсь, то вон на той сосне и находится он, наверное. И, по-моему, это скобы, по которым взбирается, - проговорил Дряхлицин, передавая бинокль сержанту, чтоб тот мог подтвердить его догадку.

— Пожалуй ты прав. Это скобы и есть, но вбитые с невидимой нам стороны, и они все-таки чуточку сбоку проглядываются, - рассуждал вслух сержант, не отрывая бинокля от глаз, - тут скорее всего он и скрывается. Сейчас я сообщу по радиации буссоль и его координаты, чтоб артиллеристы подготовились его накрыть, как только появится.

— Выходит, ловко стервец устроился, коль скоро его не смоли обнаружить? И не стоит портить, товарищ сержант, снаряды, уж лучше я из своего РПД его сниму, как только он будет опускаться или взбираться.

— А не упустишь?

— Ну что вы! Это мне не впервые. Глаз у меня точен, да и РПД меня ещё ни разу не подводил!

— Тогда валяй! Но только вначале надо убедиться, что этот пост не ложный.

И ждать им долго не пришлось, как заметили осторожно поднимавшегося по скобам финна и вскоре скрывшегося в ветвистых лапах дерева. Дряхлицин осторожно выполз из траншеи на запасную позицию и залег, взяв на прицел ствол сосны. Терпеливо ждет пулеметчик. Жужжат комары, кусая лицо и руки, но он ни разу не шелохнулся, чтоб их отогнать. Не отрывает глаз от цели. Ждет. Минуты кажутся часами. Прошло что-то около часа, как он заметил спустившегося финна и тут же дал по нему короткую очередь. Но тот все так же медленно продолжал свой спуск.

— Ну, погоди, гад! Всё равно от меня не уйдешь! – со злостью выпалил пулеметчик и снова, поймав его на прицел, дал длинную очередь сверху вниз вертикально.

И враг, сраженный метким огнем, камнем рухнул на землю.

— Готово! Молодец Дряхлицин! – радостно воскликнул сержант, глядя все ещё в бинокль на поверженного вражеского корректировщика. – А теперь давай скорей в траншею!

Только хотел отважный пулеметчик отползти обратно в траншею, как по нему ударили вражеские минометы и вокруг него запрыгали сполохи разрывов мин. Он залег, ещё плотнее прижимаясь к родной земле. И он, как говорится, чудом уцелел.

Вот за этого-то уничтоженного вражеского корректировщика Павел Осипович Дряхлицин и был удостоен медали «За отвагу».

...Снова вожу биноклем по притихшей обороне противника. Все также тихо и спокойно.

К часу дня на вышку поднялся к-н Петранюк и сказал:

— Там у меня в землянке на КП принесен тебе обед. Быстро поешь и обратно сюда, а я пока побуду здесь.

Наскоро поев, я вернулся на вышку.

— Через полчаса – час одним выстрелом из 76 мм орудия с сопки будет дан сигнал, - и показал рукой с какого места, - для нанесения огневого удара по его обороне. После чего третья рота в центре атакует вражеские позиции. Наша же задача: не дать возможности противнику контратаковать наши позиции на левом фланге. Внимательно следи за порученной тебе «Полянкой» и прилегающих к ней участках. Думаю, что тебе все ясно? – спросил капитан.

— Ясно! Так значит переходим в наступление?

— Возможно, да, - сказал к-н и ушел к себе на КП.

После сказанного капитаном Петранюком я понял, что наконец-то и на нашем участке приходит черед и час расплаты с фашистским сателлитом – Финляндией. Нас и до этого все время предупреждали и говорили, чтоб мы всегда были готовы в любую минуту

к решительному сражению. Но когда? Конкретно не знали. И к этому всегда были готовы. Ещё внимательней и пристальней стал вглядываться в оборону противника.

Легким дуновением ветерка лениво покачивало тонкие ветви молодых берез около вышки, да слышались слабое шуршание их листьев. Палило солнце. Парилась прогретая земля. Душно и жарко, что даже пришлось поневоле расстегнуть ворот гимнастерки. С удовольствием бы снял и накалившуюся от солнца каску, да нельзя – надо беречь голову от пуль и осколков. Ведь за наблюдателями и корректировщиками, как мы, так и они, особенно охотятся и стараются их снять или ослепить в первую очередь.

Беглым взглядом окидываю свою оборону, она перед моими глазами, как на ладони. Вижу, как застыли в ожидании артиллеристы у короткоствольных и длинноствольных пушек у огневых позиций около траншей. Временами мелькают каски стрелков и автоматчиков, растекающихся в глубоких траншеях вдоль передовой. Притаились попарно пулеметчики в своих ячейках, приготовившись вести огонь с бруствера. Ждёт сигнала передний край.

И вот в 14.00 с условного места резко прозвучал одиночный выстрел и снаряд, пролетел со свистом, разорвался в стане врага, выбрасывая высоко к небу стало земли – это сигнал к действию! «Ну, началось!» - подумал я, и в это время в один миг артиллеристы выкатили на открытые позиции свои пушки и прямой наводкой с короткой дистанции открыли беглый огонь по амбразурам дзотов, проволочным заграждениям и по траншейным перекрытиям. А из-за сопки во всю свою мощь наперебой заговорили стальные стволы арт. батарей и полковых минометов, накрывая своим огнем огневые точки батарей противнике, чтобы не дать им возможности опомниться и вести ответного огня. Над головой стоит сплошной свист снарядов и шуршанье мин. Вот это огонь! Что от мощных и сплошных взрывов под ногами оккупантов дрожала земля, как в лихорадке. Над его оборотной стоит сплошной гул и грохот, заволакивая горизонт дымом и пылью. Все летит вверх: земля, обломки деревьев и проволочные заграждения.

Ползут саперы под прикрытием артогня, делая проходы в минных полях, а за ними, подтягиваясь, медленно ползти стрелки и автоматчики, накапливаясь для атаки, всё ближе к траншеям противника. После часовой обработки артиллерия перенесла весь огонь в глубь его обороны. И в это время дружно поднялась широким фронтом 3 рота, наносившая основной удар, в атаку, стреляя на ходу, поддерживаемая с флангов 1 и 2 ротами. В начале противник встретил атакующих неуверенным и редким огнем, но чем ближе подходили наши к его траншеям, тем плотнее становился его автоматически—пулеметный огонь. Один за другим падают подкошенные бойцы. Редеют ряды. А уцелевшие залегали перед его

траншеями под сильным перекрестным огнем из дзотов на открытом и ровном болоте. Атака захлебнулась.

Вновь артиллеристы выкатили свои пушки и снова стали бить прямой наводкой по его ожившим огневым точкам. Снова из наших траншей выскакивают бойцы, устремляясь к его траншеям.

...И в это время подбегает к вышке какой-то л-т, крича мне с земли:

— Эй, корректировщик! Финн из дзота, что на опушке леса не дает моим пулеметчикам вести огонь! Несу потери! Дай огня.

По правде говоря, меня на какую-то долю секунды опешило и озадачило: почему этот л-т оказался вдали от боя и своих пулеметчиков, непосредственно ведущих огонь по противнику? Ведь там его место! Да и Сафаров там рядом с ними, только сообщи ему, и он немедленно вызовет огонь мин. батареи и ослепит дзот, ведь Сафаров для этого и находится там на передовой. А может с Сафаровым и его напарником что-нибудь случилось? – мелькала одна мысль за другой. Срочно сообщил об этом на КП капитану.

— Направь его ко мне, разберусь сам, - ответил капитан.

— Вас просит к-т Петранюк к себе на КП.

— А где это?

— Справа от меня в 15-20 метрах, в землянке.

Вскидываю бинокль и всматриваюсь в амбразуры вражеского дзота по четвертому ориентиру, но вспышек из него почему-то не было.

Окажись у меня связь с Сафаровым, я бы немедленно сообщил ему об этом, а была только с КП мин. роты, да и взаимно страховали бы друг друга.

— Когда артиллеристы закончили обработку переднего края, то над его обороной стояла сплошная завеса из пыли и дыма, что не было видно ни траншей его, ни дзотов. И финны, вероятно, вели огонь вслепую наугад. А когда это все рассеялось, то противник из дзота огня не вел, - рассказывал нам Сафаров после окончания первого дня боев.

Мой ориентир «Полянка» признаков жизни не давал, а как бы хотелось её расчесать и разделить под орех. Упорно караулю, не спуская с него глаз. Ждёт и стоит наготове батарея.

После второй обработки его обороны бойцы вновь предприняли попытку приблизиться к его траншеям, но встреченные плотным огнем врага залегли. И на этот раз атака захлебнулась. Теперь враг, уже опомнившись, вел сильный отсекающий огонь по залегшим на болоте бойцам и по нашим траншеям.

Прорвать его оборону, или хотя бы пробить в ней брешь, нам так и не удалось в этот день. Наш батальон, понеся большие потери в живой силе, с наступлением темноты прорыв прекратил. Третья стрелковая рота, наносившая основной удар, была полностью выведена из строя. И только один боец из них случайно уцелел. Тогда как первая рота, находившаяся на левом фланге прикрытия потеряла только двух бойцов: пулеметчика и санитаря. Незначительные потери понесла и вторая рота, действовавшая с правого фланга батальона.

Вскоре к-н Петранюк, собрав в своей землянке отделение Сафарова, сообщил:

— Задача, поставленная перед нами командованием, на сегодня выполнена. Не изменяется она и на завтра. Противник частично парализован и скован на всем участке по всей длине фронта нашей дивизией. Не исключено, что завтрашний день будет решающим днем сражения по прорыву обороны противника на каком-либо участке.

Наступило утро 20 июня. Мы вновь заняли наблюдательные пункты: Сафаров с напарником в дзоте, а я снова на вышке.

В траншеях, как и вчера, вновь сосредотачиваются свежие силы батальона. Вплотную к передовой подтягивается 2 батальон. Окапываются, устанавливая минометы, II и III мин. роты полка – и всё это скрытно, тихо и без шума. Развернувшись к фронту, стоят наготове 13 «катюши» по дороге на Карельскую Масельгу. Теперь уже чувствовалось, что значение этого сражения выходит за рамки нашего батальона и всю судьбу за этот исход на нашем участке взял на себя командир 55 с.п. подполковник Синенький. Только вот по нему-то нас вчера не поддерживала авиация и будет ли она сегодня?

И всё началось, как вчера. Вновь засвистели зашуршали снаряды и мины над головой – рвали и метали оборону противника. Гудит воздух, грохочут взрывы. Опять ползут бойцы широким фронтом тремя ротами нашего батальона к траншеям противника среди рвущихся неприятельских снарядов и мин. Упорно ползут вперед уцелевшие бойцы под прикрытием нашего огня. А из траншей непрерывно выскакивают всё новые и новые подкрепления, сменяя погибших. Завязалась артиллерийская дуэль. Вздрагивала и качалась от взрывов подо мной вышка, со всех сторон со свистом пролетали осколки. Крепко огрызается враг, осыпая нас шквалом огня. Ни на минуту не прекращается огонь с обеих сторон. К вечеру обстановка накалилась до предела. Вот уже стала бить его дальнобойная тяжелая артиллерия по нашим траншеям и передовой, сотрясая воздух мощными взрывами и выкидывая большие фонтаны земли. А наши бойцы все ближе и ближе приближались к траншеям противника. И вдруг вижу, как позади траншей противника в метрах 500-600 к небу взметнулись сплошные клубы черного дыма и через 3-4 секунды до моего слуха дошел

его мощный взрыв, потрясая оборону противника – это взорвался его стометровый фугас от прямого попадания артиллерийского снаряда.

— Срочно ко мне на КП, - приказал к-н, - Меняем позицию!

— Вот что, - сказал капитан, обращаясь ко мне, когда я уже был на его КП в землянке, - забирай автомат, катушки и со мной на КП батальона». Сафарова ждать будем, пока он подойдет.

Минометчики спешно снимались с огневых ячеек. И мы вдвоем с капитаном бежим среди рвущихся снарядов неприятеля, перебегая от воронки к воронке, в гущу боя, где уже намечался прорыв. Пробегая мимо одной из землянок, какой-то офицер посоветовал моему к-ну переждать обстрел: «Так, пожалуй ни за что и погибнешь. Заскакивай сюда!»

— Проскочим - ответил ему капитан Петранюк, не останавливаясь и упорно продвигались среди разрывов к траншеям.

В глубоких и разветвленных траншеях было полно бойцов и командиров, что мы едва протискивались среди серьезных лиц. При виде капитанских погонов они быстрее давали ему дорогу, прижимаясь к стенкам траншей. то и дело по команде офицеров: «пошёл, пошёл...!» выскакивали один за другим бойцы из траншей на поверхность, устремляясь к позиции врага. А вокруг, не переставая, грохочут взрывы, осыпая всех комьями земли и осколками, и мы невольно приседали. Забегаем в землянку боевого охранения, где и разместился КП батальона. В слабо освещенной землянке за столиком среди телефонов с перевязанной рукой сидел комбат майор Ломов, отдавая одно распоряжение за другим. Его ранило осколками мины, когда он лично сам руководил и наблюдал за полем боя.

Только подошел к-н Петранюк к комбату, чтоб доложить, как в землянку вбежало двое наших разведчиков с четырьмя финскими пленными и все враз расступились, давая им дорогу.

— Товарищ майор! Через пролом обетованной траншеи нам все же удалось заскочить и выбить их ножами. Один из наших погиб, но из траншеи их выбили. Сейчас автоматчики и стрелки расширяют прорыв! – доложил один из разведчиков комбату.

— Какими силами располагаете на передовой? – задал вопрос комбат пленным через переводчика.

— Мы этого не знаем, так как сами из резерва. Но на сказали, что держитесь: из Карельской Масельги к нам на помощь вышли 2-е роты.

— Как и каким путем?

— По дороге, на машинах.

И тут один из присутствующих офицеров, обращаясь к комбату, доложил:

— Всё только сейчас сообщили, что заметили на их дороге мчавшиеся машины с подкреплением. Наверно эти и есть.

Комбат несколько секунд посоветовался со своими офицерами и, сняв трубку телефона, позвонил на батарею. И в это время дружные залпы 13 гвардейских «катюш» открыли беспощадный и карающий огонь по врагу, сея смерть и наводя страх.

— Молодцы разведчики! Представляю все ваше отделение разведки к правительственной награде, в том числе и смертью павшего вашего товарища! – сказал комбат, вставая из-за стола, и каждому из них крепко пожал руку.

— Служим Советскому Союзу! – ответили разведчики.

— Товарищ Петранюк, немедленно поддержать своим огнем по расширению прорыва! – отдал комбат приказ моему к-ну.

Выйдя из землянки КП, стало как-то непривычно тихо вокруг после такого напряженного боя с утра. А над его обороной всё ещё стоял не рассеявшийся дым от залпов «катюш». Прекратился огонь и вражеских батарей. Только слышалась автоматически— пулеметная стрельба позади траншей противника, это наши расширяли прорыв.

Подошла и наша мин. рота, устанавливая минометы к бою возле минного поля. Сафаров с напарником ещё не подоспели с дальнего НП левого фланга, и мы вновь вдвоем с капитаном не дожидаясь их, устремились через минное поле, прокладывая связь. Осторожно ступали след в след, чтоб не подорваться. Так же осторожно обходили павших смертью храбрых наших боевых товарищей. Их полегло немало – много! И очень хотелось взглянуть каждому лицо: кто именно? Да не было времени разглядывать, спешили, чтоб скорее и своевременно поддержать своим огнем наступающие части. Нет—нет да и взорвется поблизости или вдали одиночный редкий и бесприцельный вражеский снаряд.

Миновав минное поле, вошли в отверстие развороченного снарядами обетованного туннеля, выложенного с боков и прикрытого сверху мешками, наполненными песком с цементом прямо на болоте. Чуть согнувшись, ступали по бревенчатому настилу, перешагивая трупы финнов и тут же лежавшего нашего разведчика, погибшего в ножевой схватке, и метров через десять выскочили из туннеля в мелкий болотистый кустарник, а там чуть левее на зеленеющую полянку и мимо опустевших финских землянок к возвышающейся сопке, где уже закрепились наши.

Внезапно впереди и вокруг нас стали часто рваться артиллерийские снаряды. Вырываемся вперед, чтоб выйти из зоны обстрела, хорошо зная по опыту, что следующие снаряды должны непременно ложиться дальше от стреляющей батареи на 2-4 метра. Но не тут-то было! Снаряды, то и дело вздымая землю, неотступно преследовали нас, то опережали, когда перебежали от воронки к воронке. Это нас озадачило, и мы залегли,

быстро уползая влево к изгороди. Немного погода обстрел кончился. — Неужели нас заметил вражеский корректировщик и так точно вел огонь? «Что-то непохоже», — сказал к-н, приподнимая голову и осматриваясь вокруг.

Осторожно встали, отряхивая с себя землю, и рукавом гимнастерки смахивали с плотных лиц прилипшую грязь, и выплевывая изо рта хрустевшую на зубах землю.

И тут с сопки на встречу к нам спустился возбужденный л-т, командир пулеметного взвода, издали заметив комбата Ломова с двумя связанными рацией за спиной, которых мы сразу не заметили с капитаном, проходивших сзади нас из финской землянки.

— Товарищ майор! От артогня у меня выведен из строя пулемет с прислугой. И это, по-моему, только от своего огня, ведь вражеские батареи молчат!

— Вы так думаете? – спросил комбат у л-та.

— Да!

— По всей видимости так. Иначе и быть не могло – сказал свое мнение капитан Петранюк, поддерживая л-та.

— Меня и самого чуть не накрыли. Хорошо, что оказались около финской землянки, так в неё и успели заскочить с ребятами, а то бы несдобровать нам, - проговорил комбат и тут же эфир по рации послал зашифрованную команду, что означало: всем батареям прекратить огонь!

И сразу стало тихо. Только слышны были короткие автоматные очереди да одиночные выстрелы за сопкой.

— Вот видите, товарищ майор, финские батареи молчат, - уже спокойным голосом сказал л-т.

— Дальше 600! Огонь! – послал команду в эфир комбат.

Со свистом пролетали над нашей головой снаряды и сплошным эхом взрывов разнеслись по лесу в стане врага. На лице л-та сразу же появилась улыбка, и он, не задерживаясь, побежал на сопку.

Перед нашим взором открылось широкое шоссе, окутанное лабиринтом проволочных заграждений, а за ней – вторая линия обороны противника. Мечется враг, петляя, в своих сложных проволочных лабиринтах, стремясь, как можно быстрее, проскочить к своей второй обороне. Засекли буссоль и передали на передовую батарею.

— Готово! – ответили батарейцы.

— Огонь! – скомандовал к-н.

И мины шурша, описав в воздухе крутую траекторию, дружно рвались на шоссе. Усилили огонь автоматчики и пулеметчики. Тут же отчаянно действуют наши под сопкой

перед шоссе, уничтожая полностью упорно сопротивлявшийся мелкие крупы вражеских солдат. Падают сраженные враги.

— Дальше 150! – снова летит команда на батарею.

И снова замелькали сполохи разрывов, ослепляя амбразуры дзотов. Не ослабевает огонь и нашей артиллерии, сковывая его вторую оборону. Не теряя времени, дружно выскочили наши бойцы, увлекаемые командирами на шоссе, стреляя на ходу и ан его плечах ворвались, выбивая его со второй мини обороны, а уцелевшие финны, разбежавшиеся по лесу одиночками, сдавались в плен.

Итак, в ночь с 20 на 21 июня 1944 года мы взломали долговременный и хорошо укрепленный в течение трех лет мощный опорный узел врага в районе станции Масельская и вырвались на широкий простор, освобождая родную землю Карелии! Наш 55 с.п. один из первых в дивизии сумел сокрушить его и прорвать. Дальнейшее преследование отступающего противника по дороге на Карельскую Масельку, сменив нас на ходу, продолжил 63 с.п. нашей 176 с.д.

Короткий отдых

После того, как выбили противника со второй линии его обороны, нам дали трехчасовой отдых.

— Вот здесь и расположимся, пока на короткий отдых, - сказал командир мин. роты к-н Петранюк, показывая рукой на опустевшие вражеские землянки и дзоты возле шоссе. – Только вначале надо их тщательно проверить: нет ли в них каких-либо сюрпризов или там ещё чего.

На полу в землянках лежали раскиданные обрывки окровавленных бумажных бинтов, да ещё кое-какие оставленные второпях вещи. В одном из дзотов обнаружили два вражеских трупа. Их не трогали. Посмотрев на все это, никому не хотелось забираться в них на короткий отдых. У всех было какое-то отвращение.

— Товарищ к-н, у меня бойцы не хотят идти в землянки, как осмотрели их. Лучше уж под открытым небом, говорят, чем в землянке.

— И у нас то же самое, - подтвердили л-ты Королев и комвзвод второй.

— А не холодно им будет на открытом воздухе? Ведь костров-то нельзя разводить, да ещё ни у кого с собой нет шинелей, плащ-палаток и вещмешков – всё это осталось в наших землянках, а когда старшина Борисов их привезет? Неизвестно, - ответил к-н, посмотрев на без балочное прохладное небо надвигавшегося рассвета.

— Теплое, говорят, да и на свежем воздухе лучше.

— Ну, смотрите, чтоб не простудились. Земля все же влажная.

Группами собирались бойцы, возбужденно обменивались о прошедшем бое. Кое у кого тут же появились нераспечатанные пачки финских сигарет, изъятых от убитых финнов, и несколько смельчаков их закурили.

— Ну как? – не выдержав, спросил один из бойцов, глядя на закурившего собеседника и всё ещё держа в пальцах не зажжённую сигарету.

— Тьфу, ты, мать честная! Трава, да и только! – зло проговорил он, сплюнув на землю и бросив в сторону подальше дымившуюся папиросу.

— Ха-ха, ха-ха-ха! – раздался дружный хохот – Вот это потеха!

— Нет уж! Я лучше закурю своего русского крепачка, ярославского, как посмотрел на твою физиономию, мне стало жалко тебя, - назидательно говорил пожилой боец, доставая из кармана брюк разукрашенный яркой вышивкой кисет и закручивая неспеша «козью ножку».

— Вот это, пожалуй, лучше, - продолжал он, затягиваясь и наслаждаясь ароматом дыма, - когда горло продирает, аж вздох спирает! Своя родненькая! – это не то, что заграничное дерьмо.

— Много полегло нашего брата за эти два дня, да и финнов тоже немало, как я посмотрел в лесу и на шоссе – начал свой разговор молодой корректировщик, устраиваясь поудобнее возле Сафарова.

— Да, без жертв не обойтись, - задумчиво добавил Сафаров, - Вот ты бы посмотрел, что твориться, где их накрыли наши «Катюши», там побольше вражеских трупов, чем на шоссе, и все в разных позах лежат, скорчившись. Я такой ещё чистой работы ни разу не видел. Уж что попало под ней – мертво!

— А мы с тобой случайно остались живы, Коновалов, - сказал к-н Петранюк, обращаясь ко мне, лежа на боку и облокотясь на локоть. – Ведь это наш бронепоезд, выскочив из-за поворота, ударил по нам, когда мы с тобой вбегали на сопку и принял нас за убегающих финнов.

— Ну??? Так неужели они не могли отличить своих от финнов!

— Не смогли. Ведь ещё чуть брезжил рассвет и отличить было трудно, тем более, в спешке. Я видел, как ты вырвался вперед, - продолжал к-н. – Но потом сообразил, что это бьют свои и крикнул тебе: «Отползай влево!» Что ты и сделал. Вот так-то.

— Оказывается и свои могут накрыть? Это не очень приятно.

— На войне всё может быть и всякое случается, - вставил Сафаров повертываясь на живот.

— Хорошо бы сейчас горяченького чайку попить, да вот костров нельзя разводить. Давайте-ка лучше отдыхать, а то через два часа надо снова выступать. Пора

отдыхать, - сказал к-н, дав понять, что разговор окончен и, устроившись по удобнее, закрыл глаза.

По азимуту

После короткого отдыха двинулись напрямик по азимуту, пересекая чередовавшиеся меж собой болота и сопки. И после многочасового перехода вышли на шоссейную дорогу, намного сократив свой путь. За полчаса до нашего подхода только что отсюда выбили части маннергеймовцев 63 с.п., преследовав число его по дороге. Видно, учуял враг, что мы подходим с фланга и удрал на машинах, а те, кто не успел уехать сдавались в плен.

И тут же к ряду подошла полевая кухня и у всех сразу засосало под ложечкой. Ведь со вчерашнего утра у нас не было во рту ни маковой росинки. Спасались только курением махорки, заглушая желудок. Ох, и щедрый же был на этот раз повар, наливая полные солдатские котелки наваристого борща с мясом каждому, что нам уже было не до второго, но чтоб не обидеть его: согласились ответить и пшенной каши. Он не скупился, понимая, что не всем придется воспользоваться его кулинарным искусством, ведь не мало сложило своих буйных голов нашего брата на поле брани в жаркой схватке с врагом. И он был щедр, предлагая ещё добавки. Но мы и так на славу подкрепились! «Спасибо!» - говорим ему.

Отлично подкрепившись, прилегли на несколько минут на прогретую солнцем природную насыпь. Но короток солдатский привал. И снова в путь. Пройдя по шоссе с километр-полтора, снова свернули в лес. Снова замелькали болота, озера и сопки и вышли к какой-то проселочной дороге близ карельской Масельки, и здесь мы остановились в ожидании приказа. Сразу все пристроились, приседая по обочинам дороги. Кто на пеньке, кто на валежнике, а кто и просто так развалившись на бархатной зелени, устремив свой взгляд в голубизну неба. И каждый в это время думал что-то про себя, отдыхая, после тяжелого перехода. Никто никому не мешал.

И тут мы заметили неспеша шагавшего батальонного почтальона со знакомой нам сумкой, вручая счастливым письма. Все оживились. Досталось и мне треугольное.

Сидевший около меня боец из взвода П.Т.Р., которого я знал в лицо хорошо и был частым гостем у них, подождал, когда я дойду до последней строчки и, придвинувшись поближе спросил:

— Откуда, братишка, письмо получил?

— Из Краснодара, - улыбнувшись, поведал ему.

— Ну?! Так я сам оттуда! Это интересно! Если не секрет, то от кого? –

оживившись, спросил он вновь меня.

— Да тут от одной Райки. /назвал и фамилию, но из-за давности вспомнить не могу.

— Так я ж её отлично знаю! И давно ты с ней переписывавшиеся?

— Вот уж как год.

— Слушай-ка, у тебя нет случайно её фотографии, чтоб мне не ошибиться?

— Есть, - и я достал ему из нагрудного карманчика её фото.

— Узнаю симпатягу Райку! Всё те же длинные завитые, свисающие черные волосы до груди и, как сейчас помню, все с такой же хитринкой в глазах, как на фото. – И, немного подумав, добавил. – Только ты вот учти, что у неё трое детей и живет без мужа. Он их ещё до отечественной бросил и с ними не живет. Так что стоит ли тебе переписываться с ней?

— Да, она писала, что муж у неё погиб под Ростовом, а о детях она почему-то ничего не писала. Пишет, что с нетерпением ждёт меня с Победой.

Я уже начал верить в правдивости слов бойца, но тут же одновременно и закралось сомнение: а не подвох ли это с его стороны? И тут же спросил его:

— Скажи-ка, братишка, если ты её хорошо знаешь, где она в последнее время работала?

— В торговой сети, а потом в райкоме комсомола, - без запинки ответил он.

— Точно! - воскликнул я от удивления. – И откуда ты это всё знаешь, точно в зеркало глядишь?

— Так её хата рядом с моей. Соседка.

— Вот здорово! А я-то думал, что она холостая и всё писал нежные и приятные лирические письма, надеясь с ней встретиться после войны, если останусь живой.

— Не советую тебе связываться с ней, если и останешься жив, бедовая баба – огонь! Да и намного старше тебя. Найдешь себе молодайку и будет у тебя своя семья. Это вернее будет, - убеждал он, облокотившись на пенек и потягивая самокрутки. – По письмам, брат, получается гладко и хорошо. Всё как будто вокруг тебя расцветает и оживает в радужных тонах, что ты готов хоть сейчас устремиться в её объятия. Вот так получилось и у тебя. Конечно, не все такие, как Райка, есть и хорошие, искренние, душевные, только надо их искать и непременно найдешь. А с Райкой я всё же не советую – пропадешь.

— Да, не веселые дела, - проговорил я, почесывая затылок, - Пожалуй я больше ей писать не буду и ответа на это письмо не дам.

— А что, если на обороте её письма написать, что «погиб» и отправить его обратно? – вдруг осенила меня мысль.

— Ты, пожалуй, прав. Только это надо написать чьей—либо другой рукой. Тогда всё будет в порядке. Комар носа не подточит.

И тут мы заметили шагнувшего по дороге писаря мин. роты Васильева, и подзвав его к себе, мы рассказали ему всю суть истории и что хотелось бы нам от него. Он охотно согласился, чтоб выручить меня и на обороте треугольного конверта, полученного мной от Райи, четко вывел: «Погиб смертью храбрых 20 июня 1944г.» и расписавшись не разборчиво, но красиво, отправил его обратно в Краснодар. После этого я писем от неё не получал.

Внезапный удар по врагу с тыла

63 с.п., преследовавший противника по дороге, не смог сходу переправиться на противоположный берег озера, где противником создан новый оборонительный рубеж, или как мы называли – третья линия его обороны, у Карельской Масельги, и на этом рубеже, связывавшем меж собой цепочкою многочисленных озер, был остановлен. Неоднократные попытки, предпринятые полком, чтоб переправиться на другой берег не увенчались успехом и бои затянулись. Тогда наш батальон 55 с.п. форсированным маршем через леса и болота, обойдя его с левого фланга и выйдя к шоссе, внезапно ударили с тыла. Завязался бой. По шоссе во всю мчались упряжки с пушками под прикрытием своих автоматчиков и пулеметчиков, стараясь выскочить из-под нашего огня. После короткого получасового боя рубеж пал, и противник в панике бежал. В кюветах по обеим сторонам дороги в разных позах ещё много лежало поверженных вражеских трупов с зияющими у некоторых большими дырами от осколков мин и снарядов. И тут же вдоль дороги валялись срезанные нашим огнем лошади в артиллерийских упряжках с пушками и прислугой, не успевшие проскочить. Но все же основная часть вражеской техники успела вырваться.

Так удалось нам, выручая соседа, выбить врага с хорошо укрепленной его обороны с малыми для себя потерями и обеспечить дальнейшее продвижение 63 стрелковому полку. И он, переправившись через озеро, продолжал преследовать врага. Это было к полудню 22 июня 1944 года.

Вскоре тут же на месте прошедшего сражения, в вырубленном сосновом бору финнами, выстроился поредевший наш I-ый стрелковый батальон. Комбат майор Ломов зачитал нам приказ Верховного Главнокомандующего т. Сталина о вынесении благодарности всему личному составу 55 стрелкового полка за успешный прорыв вражеской обороны под станцией Масельская.

В ответ на слова благодарности прокатилась по лесу наше мощное троекратное красноармейское: «Ура-а-а-а!!!»

В зигзагообразных глубоких траншеях, среди аккуратно сложенных больших штабелей метровых дров на поверхности земли, лежали вражеские трупы. А противоположно через дорогу у озера стоял одиноко обнесенный колючей проволокой мрачный и низкий на вид с небольшими оконцами дощатый барак.

— Товарищ капитан, - обратился к нему Сафаров, нельзя ли нам, пока стоим, сходить до этого барака?

Капитан достал из кармана часы, посмотрел и, немного подумав сказал:

— У нас ещё минут 20-30 свободного времени. Пожалуй, и я с вами пойду.

К нам пристроился и мл. сержант Бигдан командир 2-го расчета.

Осторожно вошли вчетвером в этот опустевший и темный барак, что едва различали по обеим сторонам у стен сплошные длинные голые дощатые нары. У изголовьев кое-где ещё осталось примятые пучки сухого сена. Ни одной живой души в нем.

— Здесь были наши советские девушки, заготовлявшие для финнов лес, но их успели отсюда до нашего прихода угнать на запад – тихо, чтоб не нарушить тишину пояснил нам к-н Петранюк.

Воцарилось молчание. И мы тихо, не спеша, осторожно вышли из этого мрачного барака, как бы чувствуя свою виновность, что не смогли их вызволить из неволи.

На берегу озера на склоне сопки возвышались свежие насыпанные холмики – это могилы разведчиков во главе с начальником штаба 63 с.п. геройски погибших в неравной схватке с врагом за переправу, добровольно вызвавшись захватить и удержать плацдарм на его берегу. Минутным молчанием мы почтили их храбрость и геройство.

Вблизи этих могил и остановились на несколько часов на отдых, чтоб пополниться боеприпасами, привести оружие и себя в порядок. Тут же на скатах сопки мы осмотрели с десяток финских землянок, добротнo сколоченных из толстого кордона, похожих на приземистые домики, раскинувшиеся среди толстых вековых стволов, надежно скрывавших их своими могучими кронами с воздуха. В них было уютно, светло и просторно. На столах в беспорядке лежали вилки, ложки и котелки с неостывшими ещё в них картофельным пюре. В беспорядке лежали раскиданные вещи на полу и койках. Уж по одному этому можно было догадаться, что они драпали без оглядки, не успев даже поесть.

Вскоре старшина мин. роты Борисов привез, отыскав нас, наши шинели, плащ-палатки и вещмешки, которые мы во время прорыва вражеской обороны под Масельской оставили в землянках два дня тому назад. В вещмешках ни у кого не оказалось НЗ: сухарей, шпигу и сахара. Всё остальное, что было у каждого из личных вещей, не тронут. Как пояснил старшина, что в наших землянках побывали стройбатовцы и спецчасти (или как называли мы по-простому эти спецчасти – могильщиками), следовавшие за наступающими частями.

— Можно разводить костры! – разнеслась команда Петранюка.

И сразу замелькали среди молодой березовой рощи огоньки костров, пристраивая над ними таганы для котелков с водой, чтоб побриться. Как только нагрелась вода в котелках, все принялись с большим удовольствием брить свои щетины, отросшие за четыре дня, без всякого домашнего комфорта: кто на коленях, кто в получокнутом состоянии, а кто в полный рост, внимательно вглядываясь в осколки зеркал, пристроенных на сучках молодых березок. Все после этого как-то помолодели и посвежели. «Хоть сейчас женись, были бы только девушки!» - острилы солдаты.

После освобождения Карельской Масельги события развертывались стремительно, все время находясь в движении и непрерывных боях. Там, где удавалось с ходу его выбить, то обходили его с флангов и били с тыла, не давая ему возможности закрепиться на промежуточных рубежах. Тяжело было. Всё время теряли своих боевых товарищей, но шли вперед, не жалея сил и крови. Ночи были светлые, только и отличали день от ночи по восходу и заходу солнца, если погода была не пасмурная. Теряли счет суткам. Отдыхали урывками. И все в основном двигались по бездорожью, обходя населенные пункты и на дороги выходили редко, а если и выходили, то только для того, чтоб их пересечь или проскочить по ним быстрым маршем не более 2-3 километров и снова исчезнуть в лесах, непрерывно маневрируя среди множества карельских сопок, болот и озер.

На одном из рубежей противник вновь задержал дальнейшее продвижение 63ьего полка, и мы через несколько часов после короткого привала под Карельской Масельгой подтянулись ближе к ним, устроившись на открытой обширной поляне среди кустарников вблизи дороги. Погода к этому времени, как назло, испортилась: накрапывал, не переставая, мелкий и нудный дождь, что пришлось сразу же по приходу на место сооружать палатки из плащей. Быстро установили шалаш для к-на Петранюка и, улучив свободную минуту, с его разрешения собралась в шалаше тройка редколлегии редактировать очередной номер боевого листка «За Родину!». Благо материала для боевого листка было предостаточно, и

каждый номер его выходил регулярно, освещая боевые дела и успехи минометчиков. Он поднимал боевой дух и настроение бойцов и его выхода всегда ждали с большим нетерпением.

К вечеру перестал накрапывать дождь, и, воспользовавшись этим, мы быстро развели небольшие костры, чтоб просушиться и наскоро приготовить себе пищу.

Прошла ночь и к туру небо вновь прояснилось. Внезапно на рассвете, со стороны восхода солнца на бреющем полете над нами пролетел финский самолет-разведчик и также быстро скрылся, что мы не успели сделать ни одного выстрела по нему. Он так низко пролетел, что мы даже успели заметить летчика и что он был в защитных очках. А некоторые утверждали, что он нам ещё и кулаком пригрозил. И мы вскоре после этого снялись и сменили 63 полк, войдя вновь в соприкосновение с противником.

В обход на вражескую батарею

— Бигдан, Забусов, Затонский, Коновалов и Калашников, вас вызывает к себе капитан, - подойдя, сообщил нам писарь мин. роты Васильев, когда мы в это время, лёжа, наслаждались солнечным теплом в просветах среди молодого сосняка.

— Перед вами поставлена задача: совместно с разведчиками, автоматчиками и пулеметчиками мы должны с этой группой выйти к небольшому поселку, находившемуся в тылу врага и внезапным ударом уничтожить вражеский гарнизон в нем и захватить батарею, - пояснил капитан Петранюк. - Путь будет длинный и тяжелый, в основном болотом. С собой возьмем только один миномет с 20 минами. Сейчас вы получите на 5 дней сухого пойка и в путь. Вопросы есть?

— Всех мин нам не унести, - обратился командир расчета мл. сержант Бигдан Иван.

— Знаю. Часть из них возьмут автоматчики.

Вскоре наша группа из 20ти человек с особой осторожностью пересекла линию фронта на левом фланге с двумя станковыми пулеметами и одним минометом и, пройдя несколько сот метров, вошла в болото. Идти по колена в воде, затянутого тиной, и среди густо росших карликовых сосен на кочках, лавируя между ними, было тяжело, хотя и дно его на наше удивление было исключительно ровное и на всем пути нашего следования ещё никто ни разу не проваливался. Но с другой стороны: оно надежно скрывало нас как с воздуха, так и с земли. Несколько раз над нами и в стороне пролетал патрульный финский самолет и, заслышав рокот его моторов мы останавливались на месте. И как только он

улетал, снова продолжали свой путь в болотной каше, не спеша и с трудом продвигаясь вперед. Вот уже идем часа четыре, возможно пять.

— Стой! – тихо передал по цепочке команду разведчик, шедший впереди, заметив висевший вдоль просеки на ветвях сосен провод.

Офицер разведки, подтянув к себе провод и осмотрев его, подозвал разведчика карела, хорошо знавшего финский язык, и приказал ему:

— Подключить аппарат и послушать, что там будут говорить, если есть связь.

Все притихли в ожидании.

— Связь действует, - сообщил разведчик.

— Тогда послушай, что там говорят.

— Тут один с каким-то постом от скуки обменивается домашними новостями. А потом один спросил другого: «Как там у тебя всё в порядке?». «Всё в порядке. Только скука заедает. Скорей бы смениться» - ответил он ему.

— Тогда и у нас все в порядке. Связь не трогать. Можно двигаться дальше, - передал команду офицер разведки.

И уже через час подошли к большому массиву смешанного леса, почувствовав под ногами твердую почву. Шли, не останавливаясь после болота, сырые. Немного погодя на пути повстречалась нам обширная площадь вырубленного и частично нетронутого поваленного крест на крест леса и тут же глубокие траншеи, чередовавшиеся с ячейками и развалившимися землянками, - всё это заросло густым бурьяном. Среди всего этого в беспорядке лежали останки наших товарищей под открытым небом, павших в неравной схватке с врагом в окружении 1941 года. И никто их не захоронил. Так и лежат они под открытым небом с поржавевшими винтовками и касками. Осторожно и молча проходим мы около останков наших товарищей, чтоб не нарушать их вечный покой и тут же в душе каждый давал себе клятву: «Мы отомстим за вас сполна!»

— Осторожно! Подходим к цели! – передали шепотом команду по цепи.

У продолговатого небольшого озера возле кустарника установили миномет. С ними же остался офицер с тремя автоматчиками. Все остальные, осторожно продвигаясь лесом шли к цели. Я шёл за капитаном Петранюком, прокладывая связь. Так прошли метров четыреста, как вдруг внезапно позади меня в метрах 50ти из густой рослой ели раздался неистовый голос «кукушки», почти человеческим голосом. И тут же автоматчик, замыкавший нас и оказавшийся в эту секунду под ней, сразу же прошил её автоматной

очередью. И «кукушка» с треском ломая сучья замертво упала у ног автоматчика. Через 1-2 минуты мы услышали накал финских минометов, и они начали рваться чуть правее нас. Мы залегли, внимательно посматривая по сторонам и держа наготове автоматы. Так прошло минут пять. И офицер разведчиков, посоветовавшись о чем-то с моим капитаном, дал команду отдохнуть. отошли к своему миномету, заняв круговую оборону. Двое автоматчиков были легко ранены.

— Да, провались наша хорошо задуманная операция, - задумчиво слегка покачивая головой говорил офицер разведки. И черт бы побрал эту «кукушку»! – и немного подумав, добавил, как бы в своё оправдание. – Только вот я никак не пойму, как это мы не смогли обнаружить «кукушку» раньше, ведь мои ребята внимательно просматривали всё? Заметь её раньше и мы могли бы её обойти!

— Я слышал, как ещё одно «кукушка» прокуковала в стороне, ближе к поселку, - добавил один из разведчиков.

— Ну это уже после, - поправил его к-н Петранюк и спокойной продолжал, обращаясь к офицеру разведчиков. – Тут скорее всего, что он спал и спал не очень крепко, как я думаю, и, по-видимому, под кем-то из наших под ногами чуть хрустнула ветка и он, проснувшись «закуковал», увидев нас.

И офицер разведчиков, отойдя немного в сторону, пригласил к себе к-на Петранюка и офицера автоматчиков, и склонившись над картой пятисоткой они стали совещаться.

Вскоре мы вышли в обратный путь, но уже другим, и снова пошлепали по болоту. И примерно часа через 1,5-2 зашли на низком и плоском клочке земли, окружённый болотом, на котором было не более десятка крупных елей. Под ветвистыми лапами мохнатых елей на истлевающих плащ-палатках, мы увидели около двадцати останков наших товарищей – черепа да кости. А рядом с ними проржавевшие каски, винтовки и несколько «максимов».

— Скорей всего – это раненные, вынесенные из окружения и скрывавшиеся здесь, на пяточке, - таково было наше общее мнение.

Так и остались они здесь лежать навечно под открытым небом в любую погоду. И только полевые цветы, обильно росшие возле них как бы скрашивали их тяжёлую участь, говоря о бессмертии и ратных подвигах. И как будто чьими-то заботливыми руками принесенные сюда цветы напоминали нам, как дань уважения и скорби народной. Это были те, о ком сообщали родным: матерям, женам, отцам и близким как «без вести пропавшие».

По заданию офицеров ушло трое бойцов в штаб батальона с донесением.

— Пока они не вернулись, мы будем ждать их здесь. Костров не разводить, не курить и не разговаривать громко, так как мы находимся не далеко от противника, - объявили нам командиры.

Уж е солнце садилось за горизонт и стало прохладно. Воспользовавшись отдыхом, мы сразу же приступили снимать с себя полные воды ботики, сырые обмотки, брюки и кальсоны, выжимая из них болотную воду и проветривая.

— Вот «бесштанная команда!» – язвили меж собой бойцы, поглядывая друг на друг и не стесняясь своей наготы, развешивая на сучках выжатую одежду.

Стало ещё прохладнее и не выдержав мы вновь натянули на себя чуть подвяленную одежду. Пробирала легкая дрожь. Но как только солнце начало вновь подниматься и пригревать – хорошо просушившись. Опять пролетали над нами несколько раз финские самолеты, кружась и выискивая нас.

Вернулись из штаба с пакетом бойцы, и нам его зачитали. За точность формулировки не ручаюсь, но сущность его была такова: «Выйти к поселку с запада и к 10 часам утра захватить батарею противника. Одновременно во взаимодействии с другой группой перерезать шоссе и удерживать её до подхода наших частей».

Быстро собрались и к девяти утра уже были западнее поселка (вчера были южнее). На этот раз подошли вплотную к обочине дороги, спускавшейся с большой возвышенности из поселка с густо росшими на её склонах кустарниками и большими деревьями, что мы едва через них различали некоторые крыши домов. Было тихо, спокойной и никакого движения.

Трое разведчиков, проникших в поселок минут через 20 спускались по дороге, возвращаясь к нам.

— Проверили весь поселок и ни одной живой души в нем. Не оказалось и батареи, - доложил один из разведчиков своему офицеру.

— Опоздали! – сокрушенно покачав головой, с казал офицер. – И когда же это они успели смыться? – как бы задавая себе вопрос и, обращаясь к разведчикам, спросил – Как вы думаете?

— По отпечатками следов от копыт и колес, то примерно часа 1,5 назад, - пояснил тот же разведчик.

— Да, прохлопали...Тогда сейчас же пойдём лесом вдоль дороги к главному шоссе, что в километре отсюда на соединение с другой нашей группой шоссе, что в километре отсюда на соединение с другой нашей группой, которая, наверное, уже оседали её.

Другая группа уже окопалась у перекрёстка дорог, когда мы подошли к ним, присоединились и залегли. На шоссе у бровки лежала ещё теплая, пристреленная в голову самими финнами здоровенная ломовая лошадь белой масти со сломанной задней ногой.

Через некоторое время со стороны фронта показалась одинокая, спокойно катившаяся подвода с сидящими финнами. Подпустив их поближе, автоматчики, срезали трех финнов и лошадь, а двоим всё же удалось скрыться на противоположной стороне чащи леса и их преследовать не стали. После этого, почти до самого вечера, пока не подошла наша часть, противник на дороге не появился.

Хотя и не удалось нам захватить батарею противника, но своим присутствием в его тылу мы наделали им немало паники, они даже не успели подорвать, заминировать мосты, столбы связи и объекты в поселках. Противник оставил в целости нам свои продовольственные склады с винами, консервами и галетами, удирая поспешно и разбегаясь по лесу, оставляя машины и технику. Освободили сразу три поселка без каких-либо потерь с нашей стороны. И комбат Ломов от своего имени вынес нам благодарность перед строем, дав отдых до утра.

Вскоре подошла полевая кухня и наша мин. рота. Старшина Борисов все же сумел и нашел время заглянуть в прод. склады, оставленные финнами и разместить на своих подводах коробки с финскими галетами и немного консервов. Отменный был ужин, да ещё в придачу выдали каждому по триста грамм водки, что мы пели и веселились всю ночь. Такое бывает редко. Чуть рассвело и мы снова в путь, догоняя своих.

Бои на подступах к Мандусельге

Мы на ходу сменили 2 батальона нашего полка, который только что выбил его с одного из рубежей. Вначале соблюдали большую осторожность, двигаясь лесом, по обеим сторонам около дороги, так с километра два. А потом нам дали команду: «Выходи строиться на дорогу!» Впереди походным маршем шли автоматчики, а с интервалом от них не более 150 метров мы – минометчики.

— Осталось только ещё дать команду «Запевай», - в полголоса состроил один из шагавших бойцов.

— Ну это уже сейчас нельзя, - пояснил ему сосед, - ведь мы не в тылу.

— Да я ведь в шутку сказал, чтоб веселее было идти. Сам понимаю.

Дорога, сгибая большую лесистую стопку, круто поворачивала налево к болоту и метров через 250-300 вновь выходила, поднимаясь прямо на небольшую возвышенность. Только автоматчики вышли на поворот дороги, как попали под прицельный огонь противника с сопки через болото.

От такой неожиданности мы сразу же остановились, видя, как автоматчики быстро рассредоточиваются, залегая у левой бровки и открыли вначале неуверенный ответный огонь, окапываясь под свист пуль и разрывов мин, неся потери.

— Направо в лес! – показывая рукой, скомандовал к-н Петранюк. Мы быстро зашли в лес, выискивая хотя бы небольшую площадку с большим просветом меж верхушек деревьев, чтоб установить минометы, но, как назло, она не попадалась. Тогда к-н, посоветовавшись с офицерами батареи, отдал команду:

— Первой батарее, с дороги открыть огонь по сопке!

И батарея л-та Березовского, спустя к дороге, установила минометы на дальность 500 и по направлению звуков вражеских автоматных очередей открыла огонь.

Вскоре подоспела «тридцатьчетверка» и под его прикрытием выбили противника с края сопки. Но только стоило нашему танку выбили противника с края сопки. Но только стоило нашему танку выскочить на угор, как по нему открыли сильный и плотный артиллерийско-минометный огонь, и он отошел вниз.

И мы с капитаном, не дожидаясь пока Сафаров со своим напарником, следуя за нами, протягивали связь от мин. батареи, вырвались вперед, выскочив на угор и удаляясь лесом влево от дороги, остановились у большого камня в березовой роще. А впереди нас короткими перебежками растекались бойцы, идя на сближение с врагами.

— Вот здесь, пожалуй, самое подходящее место для НП, - сказал к-н слегка запыхавшись, глядя на обросший мхом камень и на маленькие елочки, росшие по его сторонам, как специально для нас по заказу.

— Но всё же лучше было бы где-нибудь поближе к нему, - и немного подумав, добавил, - ты пока оставайся здесь, а я сходу посмотрю один.

И он, удаляясь от меня наискось влево, вошел в кустарник, и я потерял его из виду. Залег сбоку у большого камня и, положив перед собой автомат, стал просматривать местность. Стрельба утихла.

Справа, вплотную к дороге подступал лес, а левее – простиралась заросшая травой открытая поляна, походившая своей формой скорее всего на прямоугольную трапецию, где у её большого основания протекала узкая и бурная речка, выходя к острому углу. Вот туда-то и направился капитан. Сафаров ещё не подошел.

— Не дождавшись скорого возвращения капитана, решил следом пойти за ним и вышел к кочковатому болоту с редкими соснами. За кочками, рассредоточившись, как в шахматном порядке, лежали стрелки, автоматчики и пулеметчики с РПД, прильнув к прицелам стволов.

— Не видели капитана? – спросил у одного из автоматчиков.

— Нет, - спокойно ответил он.

— Добежал до другого.

— Тут наш капитан не проходил?

— Да ты что...? Ведь там дальше противник! – выпалил сержант, дав мне понять, что дальше нечего делать.

Я резко повернулся от него и прыгая с кочки на кочку вышел к кустарнику, где при выходе к березовой роще встретил капитана.

— Вас ищу, товарищ капитан, и чуть было не проскочил на ту сторону.

— Малость задержался, повстречав комбата, и был тут недалеко, поблизости у него на КП – спокойно ответил капитан, заметив моё беспокойство. – Давай, вернёмся к тому камню.

Установив аппарат, проверили связь с мин. ротой. В метрах пяти впереди камня и чуть ниже от линии наблюдения стояли два пня от спиленных берез. Отсюда в бинокль хорошо просматривались траншеи противника вдоль речушки и взорванный мост. Артиллеристы выкатывали свои «сорокапятки», устанавливая их по обе стороны по-прежнему танки «Т-34». Установилось затишье.

Неоднократно делали попытки обойти его с флангов и выбить, но наткнулись на засады, отходили. Да и участок фронта для маневрирования был очень мал, длиной не более 250-300 метров, так как слева простиралось обширное, открытое болото, а справа – продолговатое и узкое длинное озеро, уходящее вдаль. Тогда в обход озера на другой день вышел один из батальонов нашего полка. Вот здесь и задержал нас противник почти на трое суток на подступах к поселку Мяндусельга.

На вторые сутки с вечера я сменил Сафарова на КП, ведя непрерывное наблюдение, но ничего пока не обнаружил. По-прежнему было тихо. Но как только солнце село за горизонт и чуть стемнело (ночи были ещё светлые), как заметил над его траншеями извивавшиеся струйки дыма и спокойной поднимавшиеся вверх таяли в воздухе. «Покуривают», - подумал я. Временами мелькали, медленно передвигаясь вдоль траншеи туда и обратно каски, из-под которых хорошо были видны обтянутые лица белым платком, спасаясь от комаров. А через некоторое время, заметил, как двое финнов подтаскивали волокушу ползком к своим траншеям сзади и стали передавать одну за другой коробки с боеприпасами. Немедленно доложил капитану о замеченном и просил разрешения на открытие по ним огня.

— Чего заметил? Повтори! – неожиданно для меня в трубке появился чей-то перебивающий голос.

И тут я вспомнил, как связисты из КП батальона подключались к нашей линии связи.

— Кто это спрашивает?

— С тобой комбат сейчас будет говорить, - ответил мне знакомый голос капитана.

Комбат обстоятельно и не спеша расспросил, что мною замечено и в каком месте. Под конец сказал:

— Продолжайте наблюдение. Ещё что заметишь, - немедленно докладывай мне, а с огнем не торопись, скоро будет «Ветер».

«Ветер» - это условный сигнал для нанесения огневого удара всеми батареями по вражеской обороне, после чего должна последовать атака.

Уже начало светать, как перед восходом солнце вдруг выскочил из траншеи финн в осиновую рощу, что правее моста, привел и оголив свой зад в нашу сторону, быстро оправился и заскочил обратно в траншею, забыв подтереть свою...

— Вот, - думаю, нахал! И как это снайперы и стрелки наши прозевали, ведь отличная была мишень, чтоб оставить ему на вечную память в заднице дырку! Об этом случае я не решился сообщить комбату, а только рассказал своим ребятам, вернувшись на батарею, как только сменил меня вскоре Сафаров. Было смеху...

После полудня вновь заступил на КП. Снова всматриваюсь, прощупывая каждый бугорок и кустик, выискивая его наблюдателей-корректировщиков. Не мог обнаружить и Сафаров, передавая мне свой пост.

Во время наблюдения ко мне подполз командир мин. роты капитан Петранюк, когда уже солнце клонилось к закату и хорошо освещало сторону.

— Ну, что заметил? – спросил он.

— Пока ничего. Всё спокойно.

— И наблюдателей не обнаружил, где они находятся?

— Ещё нет, но предполагаю, что скрываются в кустарниках осинового рощи и за этим местом веду особо тщательное наблюдение. Да и Сафаров тоже предполагает там.

— Дай-ка мне бинокль, я сам посмотрю, - сказал капитан, высунувшись из-за камня и стал внимательно осматривать его рубежи.

— Товарищ капитан! Не высовывайтесь так высоко, ведь так могут нас засечь, а то и снайпер вас может снять, - предупредил капитана, лежа сбоку у камня и с тревогой поглядывая на него.

Да и по блеску стекол от солнца сразу обнаружить, - настаивал я.

— Не бойся, ничего не случится. Да и противника что-то не видно, - ответил он, продолжая наблюдать, - Ничего я не заметил сказал к-е, возвращая бинокль и добавил, – продолжайте наблюдение. Буду находиться в землянке КП батальона.

Только ушел он на КП, что находится в 150 метрах от меня левее, на обратном скате сопки, как через три-четыре минуты я уловил «на кол» финского полкового миномета. «Куда она упадёт?» - подумал, как она, со свистом пролетев надо мной, взорвалась на болоте позади меня в мерах ста пятидесяти. Сразу впился в бинокль усиленно выискивая корректировщика, который руководит огнем. И мне удалось его обнаружить. Уловил второй «на кол» - разорвался ближе. Третий – уже правее меня. Четвертый – левее.

«Вилка!» - только подумал я, как над головой в это время раздался взрыв, и срезанная верхушка березы упала мне на ноги. Стал быстро окапываться под камень, как снова надо мной прогремел взрыв, и здоровенная верхушка ели придавили меня. И вокруг меня наперебой стали рваться вражеские мины и горячий взрывной волной то и дело подбрасывало меня из стороны в сторону.

Уйти или выскочить из-под такого огня было невозможно и оставалось надеется только на случайность. «Ну, думаю, доконает он меня!» - и стал мысленно прощаться с

матерью, прижимаясь к земле. Рядом грохнул ещё мощный взрыв, и меня как будто кто-то на короткое мгновение со всех сторон сдавил тело. После этого обстрел прекратился.

Быстро освободился от наваленных вершук и снова всматриваясь сбоку из-за камня в расположение противника, предполагает, что противник, возможно, после этого перейдет в контратаку. Но все было спокойно. Вокруг расстился едкий дым с острым запахом толовой гари. Кружилась и шумела голова, и во всем теле появилась какая-то слабость и тяжесть. Хотел позвонить на мин. батарею, да аппарат оказался разбитым.

Почему же они не доконали меня? – мучал этот вопрос. Я внимательно осматривался. И тут взор остановился на большой свежей воронке в двух метрах от камня впереди, ещё в которой стоял густой не успевший рассеяться дым, и как раз находившийся на линии нашего наблюдения через пни. «Так вот почему прекратился огонь, - созрела мысль – думая, что мы с капитаном ведем наблюдения за ними из-за этих двух спиленных пней и что точно накрыл нас обоих?!» Это и ввело противника в заблуждение. Окажись мы там, за пнями, тогда поминай нас, как звали! И костей бы не нашли!

Через некоторое время ко мне подполз мой капитан со связными из КП батальона и установили новую связь. Вызвали Сафарова.

— Не надо было вам, товарищ капитан так, высовываться. Вот и навлекли на себя огонь, а тем более – они за офицерами охотятся, как и мы, - осторожно напомнил капитану Петранюку, промолчав о себе, что из-за его нелепости я попал в такой переплет.

— Может быть, - ответил он, добавляя. – Возвращайся на батарею и покажись санинструктору.

Тот, в свою очередь направляя в санбат, но я наотрез отказался, что мол у меня никаких ранений нет, а голова пошумит и пройдет. Оставили при батарее дежурным у аппарата.

Наступила светлая ночь, внезапно поднялся ветер и весь горизонт заволочло темными тучами. Ударил гроза и полился дождь. В трубке неожиданно раздался треск и меня как-то мгновенно судорожно сжало всего в комок, стягивая руки и ноги. С первого удара я не мог сообразить и понять, в чем дело? И только после второго, снова сжав меня в комок, я понял, что какая-то часть грозового разряда наэлектризовало провод и резко поднималось в нем напряжение. В двух метрах от меня сидел боец из Почепа, и того крепко прихватило. Такого явления я ещё никогда не испытывал на себе.

Снова насупил, после дождливой ночи, ясный, теплый и солнечный день. Спокойной или автоматчики взвод л-та Данченко и уже подходя к стоявшему танку сбоку на дороге и возле загоравших двух танкистов, раздетых до пояса, как внезапно посреди дороги возле танка вдруг вздыбилась земля и прогрехотал сильный взрыв заминированного фугаса. И в этот момент, словно по сигналу вражеские минометчики воспользовались укрытием танка и переждали обстрел. А потом как ни в чем не бывало продолжали свой путь на рубеж атаки. Подтягивались и другие взвода, роты батальона, сосредотачиваясь в основном на левом фланге, где редкий лесок близко подходил к неприятельской позиции. На этот участок была вся надежда.

По сигналу «Ветер», переданному по телефону батальона из всех видов оружия обрушил на врага огонь. Бросились на штурм и автоматчики прорыва, преодолевая водный рубеж речушки, но сильное и бурлившее течение сбивало их с ног. Тогда двое бойцов, чтоб ускорить переправу, схватили тут же лежавший у берега за концы ствола обрубленной березы и только приподняли его, как раздалось несколько взрывов сразу. Ствол оказался минированным. Так погибли два брата из одного взвода. Преодолев водный рубеж, выбили его из траншей и не выдержав нашего стремительного натиска бежал. Снова преследуем его.

Мимо нас промчалось несколько танкеток с бойцами на них. Вскоре один из танкеток подорвался на минах и сидевшие на ней бойцы, как бабочки взлетели на воздух. Остановившись, поджидали саперов с миноискателями. Вскоре они подошли и начали обезвреживать мины на дороге и их было так много, что в некоторых местах они просто втыкали колышек с надписью «мина». Преследование резко замедлилось. Отступая, он подорвал все столбы связи и за эти трое суток, что задержал нас, успел минировать все подступы к поселку Мяндусельга. И чем ближе подходили к поселку, тем становилось их всё больше. Дальше мы двигались уже лесом около дороги, петляя меж деревьев и осторожно вступая след в след. Осторожно обходя едва заметные тонкие паутины – проволочек, тянувшиеся к взрывателям пехотных мин. Их обезвреживать не было времени, а только снимали с мин маскировку, обнажая её черный корпус с белой головкой, чтоб остальные, шедшие сзади, могли их ясно видеть. Но всё же один боец-стрелок, шедший впереди меня в метрах ста, подорвался на пехотной мине и ему оторвало пятку.

Чтоб ускорить продвижение, командование решило направить 1ую стрелковую роту к поселку слева в обход дороги. Вскоре завязался бой, и стрелки выбивали его из каждого дома с боем, когда мы уже подошли к открытому месту, где в полутора-двух километрах виднелся поселок, а правее его, кажется, большое болото с озером. По этой

открытой дороге не пошли, а свернули влево на проселочную дорогу, петлявшую среди кустарников. Она была вязкая после дождей и приходилось иногда помогать артиллеристам вытаскивать из грязи передки с пушками.

Когда уже большая часть поселка была освобождена, внезапно налетели наши штурмовики и своим бомбовыми ударами и огнем из пушек ускорили освобождение поселка. Стрелки, увлекшись азартом боя, выбивая противника, сами попали под бомбовой удар, не успев предупредить ракетами, что поселок полностью освобожден. И только тогда, когда о них в небо взвились одна за другой цветные ракеты, как с одного штурмовики незамедлительно вылетело две белых ракеты подряд, бомбежку прекратили. Ещё немного покружились над нами штурмовики, покачали крыльями, как бы извиняясь, и легли на обратный курс. Так стремительно натиском выбили противники из поселка Мяндуселька.

По улице этого поселка мы проскочили так быстро ускоренным маршем, что я даже не успел его по-хорошему разглядеть. Только и видел, что большие воронки от авиабомб, да несколько разрушенных домов, да вражеские трупы. Были наши. Ни одного мирного жителя. Хоть бы какая-нибудь показалась кошка или собака, и тех не было, все же легче было бы на душе увидеть живое, не пуст был поселок.

Опять под подошвами солдатских ботинок, поднимая пыль, замелькала дорога, оставляя поселок. И снова лес обступил дорогу. Всё вперед и вперед. Всё чаще и чаще стали над нами летать фашистские самолеты, встречая их дружными залпами из всех видов оружия. Это не то, что было под Кестеньгой в 1942 когда нам запрещали стрелять по ним. Особенно везло пэтээрщикам. Они как заметят вражеский самолет, так сразу же через плечо стоящего своего напарника открывали прицельный огонь. Один боец из взвода ПТР удачно сбил фашистский самолет и был представлен и правительственной награде. Неотступно сопровождали и прикрывали нас с воздуха зенитчики на машинах. Теперь уже стервятники стали летать намного выше. Что даже солдатская пуля не могла их достать. Сбили с них спесь и нахальство.

Противник снова остановил нас на какой-то речке перед новым поселком, но через 10-12 часов его выбили с этого рубежа и поселка. Поселок был большой с простирившимися вокруг него обширными полянами. На одном из домов в центре поселка высоко над крышей уже развивался красный флаг. Проходя вдоль улицы, впервые увидели в одном из домов с левой стороны сидевшую у окна одиноко – старушку. Она как-то спокойно и пристально вглядывалась в наши лица, не шелохнувшись и не улыбнувшись ни разу, хотя мы ей махали рукой. Чуть дальше, правее, пройдя её дом, остановились в одноэтажном школьном доме,

где финны в некоторых классах держали своих лошадей. Привели его в порядок и остановились в нем на короткий отдых.

При выходе из поселка неожиданно на нас налетело несколько финских самолетов, сбросив над нашими колоннами пустые бочки и связки гранат на длинной веревке, скрылись, не причинив нам вреда.

Бои за Поросозеро

30 июня 1944 года мы вышли к видневшемуся вдали большому поселку Поросозеро. Шоссейная дорога, выходящая в реку как бы упиралась в неё, круто поворачивалась вправо и дальше вела с небольшим уклоном к переправе через быструю реку Суна. В самом узком месте была переправа, которую враг успел разрушить, отступая. Только лишь из воды торчали одиноко голые сваи, напоминая, что здесь был мост. На другом, противоположном берегу, где укрылся противник и был поселок Поросозеро. Все наши попытки сходу преодолеть водный рубеж не увенчались успехом. Меткий и точный огонь врага не давал нам возможности развернуться и сковал наши боевые действия. Особенно активно действовали его снайперы. Считал он свою оборону непреступной и упорно сопротивлялся. Не удавалось нам выбить его и в последующие дни. На этом-то рубеже и задержал он нас почти до 12 июля.

Наша мин. батарея окопалась в 300-400 метрах от переправы за невысоким холмом у реки среди кустарников и проходившей позади дороги. После нескольких огневых налетов на позиции врага он засек и не давал нам покоя, вынудив нас сменить позиции. Мы тут же перешли через дорогу и установили минометы в ложине, что его снаряды рвались уже позади нас, не причиняя нам никакого вреда.

Около сотни орудийных стволов и минометов, укрывшись вдоль берега в кустарниках, непрерывно вели огонь по врагу сея смерть и разрушая его оборону. И так проходил день за днём, а нам всё не удавалось преодолеть водный рубеж и создать плацдарм на его берегу. Тогда в обход с правого фланга вышел второй батальон нашего полка и, встретив упорное сопротивление далеко на подступах к поселку и понеся ощутимые потери, вернулся обратно. В то же время в стокилометровый обход слева двинулся 63 полк нашей дивизии с заходом к нему с тыла. А мы со своей стороны фронта усилили обработку его обороны и предпринимали различные попытки к преодолению водного препятствия.

В одной из таких операций 6 июля и ранило в ногу нашего архангелогородца Дряхлицина Павла Осиповича, когда они вдвоем с напарником прикрывали очередную операцию, которую уже по счету наших бойцов, стремившихся переправиться к вражескому берегу, пристроившись у толстой сосны и прижимая финнов к земле, ведя огонь из ручного пулемета, а напарник из АВТ. Но враг их засек и тоже стал по ним вести прицельный огонь, что только песок летел, вздымая перед ними барашки пыли. Они не обращали внимания, и по-прежнему вели огонь по врагу. Но когда ударили вражеские минометы по ним и вокруг запрыгали взрывы мин, они залегли. Осколком мины перебило ему кость ноги, и после оказания первой помощи санинструктором Химухи он был отправлен в тыл.

Перед его обрывистым, высоким берегом реки был скалистый островок, который и привлек внимание нашего командования, но подступы к нему противник зорко охранял и держал под неослабным наблюдением. Неоднократно делали попытки, чтоб переправиться на него, но меткие выстрелы вражеских снайперов и батарей каждый раз обрывали жизнь смельчаков. Я не берусь утверждать сколько человек погибло за этот островок, так и не сумевших достигнуть заветного острова.

— Тридцать восьмым последним был молодой напарник коррективовщик, - сообщил нам Сафаров.

Это тот самый, который за день до нашего наступления под Масельской прибыл в наше отделение коррективовки из штаба полка. Он погиб, не доплыв до острова, медленно погружаясь в водах реки Суна. Так потеряли мы своего товарища. Вместо него назначали Калашникова из 2 расчета взвода л-та Королева, нашего ротного брадобрея, уроженца из Сталинграда.

Девятого июля в траншею к стрелкам пришел командир полка подполковник Синенький и обращаясь к солдатам сказал:

— По приказанию посылать вас больше не будем, но этот остров для нас имеет стратегическое и важное значение. Он у врагов под самым носом и ему с обрывистого берега его не видно, что очень ценно для нас. Находчивого и смелого, кто достигнет острова, ждёт награда! Подумайте и взвесьте всю сложность этой ситуации, и кто из вас готов на это! Торопить не будем.

В траншее воцарилась тишина. Но недолгим было молчание. Его нарушил коренастый боец среднего роста лет около 35-40.

— Товарищ подполковник! Разрешите выполнить мне эту задачу, - обратился он к командиру.

— Хорошо! - сказал командир полка, - действуйте самостоятельно и по своему усмотрению, как лучше достичь острова.

Около двух часов дня, когда порывом ветра рябило водную гладь и наплывшая туча заслонила собою солнце, он, раздевшись, без каски, но с телефонным проводом в руке осторожно вступил в воду среди свисавшее над рекой кустарника. и, набрав воздуха нырнул, что даже не было видно всплесков воды. Проплыв на глубине большое расстояние и поднявшись на какую-то долю секунды на поверхность воды, чтобы запастись воздухом, снова нырнул в ее глубины. И в это время запрыгали водяные барашки от неприятельских пуль. Боец оказался искусным пловцом и благополучно достиг острова. Перетащил к себе на остров несколько плотов с солдатами и сам вернулся обратно невредимым. И тут же в траншее подполковник Синенький прикрепил к груди гимнастерки отважного солдата солдатский орден «Слава III степени»!

Через день, под вечер, от нашего берега, что левее острова, медленно из-за кустов выплыло несколько плотов с автоматчиками. Кругом было тихо и спокойно. Они хотели проскочить незамеченными к противоположному берегу. Быстрое течение подхватило и понесло плоты. Бойцы усердно заработали длинными шестами, но враг заметил их и открыл по ним пулеметно-минометный огонь. От пуль и мин вспенилась и заколыхалась вокруг них вода, разваливая плоты и сбрасывая с них бойцов. Уцелевшие обратно выбирались на свой берег. Кое-как добрались до берега вплавь мой друг архангелогородец Женя Малыгин раненый в ногу, и Семен Коломиец с раздробленным предплечьем левой руки - мой товарищ по взводу ротных минометов на Кестеньгском направлении. Женю Малыгина встретили хромавшего в сопровождении своего старшины по дороге в а часть, когда они проходили мимо нашей мин батареи. Тут и поведал мне о ранении моего товарища Семена Коломийца, который ждал еще отправки телеги.

А на острове к этому времени уже сосредоточилось около сотни наших бойцов. Неминуемо надвигался час расплаты с врагом.

Наступило 12 июля. Который уже день подряд краснозвездные штурмотвики бомбят и обстреливают вражескую оборону. От мощных взрывов взметаются в небо клубы черного дыма. Осторожно и медленно вскарабкиваются бойцы по крутому склону и ползут к траншеям противника, накапливаясь для атаки. А с острова к ним переправляются на плотках все новые и новые партии бойцов. В томительном ожидании стоят наготове

батареицы у своих орудий и минометов. К прицелам "максимов" прильнули пулеметчики. Ждут и саперы с переправочными средствами в кустах у реки. Притих и замер как будто наш берег, ничем не выдавая себя. Настороженная и напряженная тишина. Палит июльское солнце. Жарко, лишь иногда порывистое и легкое дуновение ветерка освежало вспотевшие лица солдат. Сегодня должен решиться исход сражения за Поросозеро.

Прошел час. Прошел второй... Ползут бойцы. Все ближе и ближе траншеи противника. До них осталось метров тридцать. Вперед выдвинулась пятерка бойцов и задержавшись на несколько секунд, дружно бросила в одну из траншей гранаты. Прогрели взрывы. Бойцы стремительно вскочили и добежав до бруствера траншеи, в упор расстреливали, поливая свинцовым дождем из автоматов, застигнутых врасплох вражеских стервятников. Над траншеей врага взвился красный Флаг. Дружно поднялась вся цепь в атаку мощным красноармейским "Ура-а-а!" В ту же секунду артиллеристы открыли беглый огонь по огневым точкам врага. А наша мин батарея обрушила отсекающий огонь позади траншей, где уже и во всю разделялись с группой противника наши автоматчики и стрелки, переходя в рукопашные схватки. Летят вверх из траншей ежи, мешавшие нашим продвигаться. Не зевают и саперы, быстро наводя понтонную переправу через реку Суна. А вокруг них то и дело грохочут взрывы неприятельских снарядов, вздымая высоко в небо столбы воды. И не обращая внимания на грохочущие взрывы, саперы самоотверженно наводят переправу. Бурлит и пенится вода меж понтонов, стараясь сорвать их. Но надежно и прочно сращивали их саперы. Через 10-15 минут по понтонам уже мчались галопом запряженные парами лошади с противотанковыми пушками. Артиллеристы, выскочив на бугор, разворачивались и прямой наводкой вдоль улиц открывали огонь по скоплению врага. Бой перешел в поселок, где за каждый дом цеплялся враг. Снимается с позиции и наша мин батарея, бегом устремляясь через переправу. А кругом, не переставая, рвутся вражеские снаряды. Противник, не выдержав нашего стремительного натиска отступил. Он был выдворен из поселка и бежал по двум дорогам на север и запад. Поросозеро снова наше!

Проскочив поселок, продолжали преследовать врага по дороге на запад к государственной границе. В 3-4 километрах от посёлка нас догнали и сходу сменили свежие части. Сойдя с дороги налево, мы зашли в кустарник, чтоб немного отдохнуть. Тут среди кустарников обнаружили наш подбитый боевой самолет с вывалившимся из кабины летчиком, который повис на примятых ветвях кустарника с нераскрывшимся парашютом. Стропа и планшет отрезаны. Он был мертв. Часа через два мы его похоронили с воинскими почестями тут же у дороги, где он погиб во имя Родины!

В душ после боя

Дали приказ вернуться к Поросозеру. Шли не спеша, все еще находясь под впечатлением только что прошедшего боя, крепко уставшие. Не доходя поселка, километра полтора, свернули направо, где на зеленеющем лугу среди оврагов стояли армейские большие палатки, а около них какие-то незнакомые нам машины. "Это армейские полевые бани" - пояснили командиры.

В палатках было светло и просторно. К каждому колпачку подведена холодная и горячая вода. Тут же по полочкам аккуратно разложены мочалки с мылом. А на зеленеющей траве - решётчатый настил.

Сняв еще влажное и пропотевшее солдатское белье с примесью пороховой гари и оставляя его в тамбуре, каждый занимал для себя отдельный душ.

— Вот это баня! - воскликнул Калашников, как только он вошел в душевую, осторожно ступая по трапам подойдя к одному из них, сразу открыл оба крана, подставляя под упруго бьющую из-под колпачка под горячую воду, руки добавил, — вот теперь-то мы и помоемся как бывало! Эх, парку бы еще не мешало!

— Видишь, чего еще захотел? - проговорил Сафаров, обращаясь ко мне и кивнув в его в сторону, добавил, - Может тебе ещё и молодую?

— А что - оживившись ответил Калашников, улыбаясь, - не отказался бы, если б была такая возможность! - ответил он, продолжая натирать себе живот ниже поясницы.

— Вы бы его не расстраивали, товарищ Сафаров, а то, чего доброго, разволнуется и тогда не обойтись без холодного компресса - сострил Затонский.

— Да-а, хороша банька, ничего не скажешь! Из боя и прямо в баню, как в сказке! - как бы меняя разговор, восхищенно говорил Забусов, подставляя бок под обжигающий дождь.

— Целый месяц не мылись, как пошли в наступление, а теперь вдоволь побулькаемся, - вставил Сафаров, натираясь мочалкой.

— А ну-ка, братишка, потри мне спинку как следует, а то, что-то зазудило, как будто мурашки по телу забегали, - обратился ко мне Калашников, протягивая намыленную мочалку.

С усердием натирал ему его широчайшую "спинку" с флотскими приемами, а он все поговаривал: "Ещё, еще браток! Крепче жми!". И я, что есть силы жал, порядком употев.

— Теперь давай-ка я тебе потру спинку, поворачивайся! – сказал Калашников и так стал натирать, что я едва удерживался на ногах. Не унимался наш Кавашников и тогда, когда, одевшись во все свежее белье, и выйдя из тамбура палатки на залитый солнцем луг, продолжал балагурить со свойственной ему сталинградской натурой!

— Вот бы сейчас после баньки, как, бывало, вареничков со сметаной, посмаковал бы, а потом со своей молодой женошкой на теплую печку. Это было бы да! Э-эх, если б только не война...! - сокрушенно продолжал говорить, вспоминая довоенные годы.

— А я бы, пожалуй, сейчас с удовольствием деревенского холодного кваску из жбанчика выпил бы.

— Квасок!? Вареники-то лучше, да еще со сметаной - одно объединение, если бы ты знал. Пальчики оближешь! - усердно доказывал он. - А что твой квас? Много с него не поиграешь... только что жажду утолит?? А вот с вареников всю ночь будешь живой...!

Все довольны были баней. Не обошлось конечно и без "наркомовской! У каждого всегда был запас. Хорошо подкрепившись и развалившись на плащ-палатках, нежились под открытым небом. А вдали все еще грохотали редкие взрывы, где врагу все же удалось зацепиться на одном из рубежей и задержать продвижение наших войск.

В глубокий обход с выходом на государственную границу

На другой день после освобождения Поросозера, когда над поселком стали сгущаться вечерние сумерки, наш батальон снялся и пошел другой дорогой на север через Поросозеро в глубокий обход с выходом на государственную границу. По обочинам извилистой и высокой дороги стояли артиллерийский расчеты и время от времени вели артобстрел по позициям противника в западном направлении. Тут мы и встретили бывшего нашего кока - "ресторанного повара первой руки из Ялты" возле полевой кухни. Он так же хорошо готовил артиллеристам вкусные и сытные обеды и очень сожалел, что не с нами. Пройдя еще несколько километров и свернув налево, пошли глухой чащей леса, углубляясь. Артиллеристы прокладывали себе дорогу совместно со стрелками, и продвижение резко замедлилось. Для нас, минометчиков, густой лес не являлся преградой, и мы с минометами на вьюках, не задерживаясь, углублялись все дальше в лес совместно в автоматчиками и пулеметчиками.

Под утро вышли к какому-то ровному и слегка кочковатому болоту без единого деревца. По всей вероятности, это было когда-то глубокое озеро, а теперь заросшее и

затянувшаяся тиной с темной водой как смола и его дна не доставали наши длинные шесты. Осторожно и медленно передвигались и с интервалом 5-10 метров друг от друга перекидывая от кочки к кочке только для себя сухие жерди, придерживаясь шестами, чтоб за нами не оставалось никаких следов. Тут же мы его окрестили "Чертовым болотом". Подойдя к противоположному почти отвесному, крутому обрыву и цепляясь за мелкие кустарники, с большим трудом выбрались наверх. Градом лил пот и у всех на гимнастерках выступила соль. Обошлось без ЧП. Даже старшина Борисов, несший на спине термос с водкой, и то вышел благополучно, хотя у самого берега в начале своего пути умудрился одной ногой зачерпнуть сапогом болотной воды. Артиллеристы и подводцы, прорубая себе дорогу, пошли в обход болота, а мы дальше пошли без них по звериным тропам.

Тут я впервые увидел звериные тропы. Это были едва заметные и узкие углубления на мшистой земле, выхоженной зверями. Местами они выделялись отчетливо, петляя меж деревьев и кочек на сухих местах, переходя от сопки к сопке, а то и во все куда-то исчезали и мы частенько сбивались с пути, тогда выручали топографические карты, на которых они были отчетливо нанесены пунктиром.

На пути встретила узенькая речушка метра 3-4, с несколькими в ней сетями. Поблизости в лесу стояли добротные срубленные домики с сараем в стороне, в которой сушились сети, бочка с солью и ещё верстаком с валявшейся на полу свежей стружкой. Жителей не оказалось.

На исходе второй ночи, при подходе к полянке, нам разрешили двухчасовой отдых. Не чувствуя ног, мы сразу же легли, не разбираясь на росистую траву и уснули мертвецким сном. Чуть стороной пролетел неприятельский самолёт-разведчик, и снова тихо. Костров не разводили. И только на третий день мы вышли на Государственную границу, где за широкой нейтральной полосой была Финляндия.

На границе

Наш отряд из 70-80 человек расположился на пограничной заставе среди разрушенных дзотов, землянок и траншей, принявших первый на себя удар в грозные дни 94 года. Дорога, проходившая левее заставы и пересекая наискось границу, уходила в глубь Суоми. Все пограничные столбы были спилены и лежали на земле. Заняли круговую оборону и неослабно вели наблюдение за дорогой. Иногда по ней спокойно проезжали по одному, по два финских самокатчика. "Никого не трогать и не выдавать себя" - таков дан был нам приказ. Наши разведчики тщательно производили разведку местности,

прилежавшей к нашей позиции. На другой день по ту сторону дороги они заметили, как 28 финнов глухим лесом в стороне от дороги и перейдя границу, просачивались на нашу территорию по направлению к Поросозеру, чуть не натолкнувшись на них. Об этом мы узнали, когда они вернулись с задания.

— Так, пожалуй, могут и нас незаметно окружить и накрыть, если будем сидеть сложа руки, - начал свой разговор ефрейтор Забусов, лежа на траве.

— Это им не удастся, ведь мы можем маневрировать и тоже их поколотить. Да и, по—моему, вряд ли они знают, что мы здесь, - ответил мл. сержант Бигдан, командир 3 расчета.

— Тогда почему же они, но дороге не шли, а вдоль леса?

— Вот это надо подумать. А может они путь сокращают?

— По дороге-то легче идти, чем пробираться лесом, - не унимался Забусов. - Вот потому и обходят нас, что знают, да и по дороге никакого движения не стало, как мы появились здесь, кроме что одиночных да по двое самокатчиков взад и вперед катаются и больше никто?!

— А если знает, то тем хуже для них. Пусть думает, что нас в лесах много, тогда скорее освободят нашу землю. А там их будем бить уже на его территории.

— Нем дан приказ: "Ничем не выдавать себя", - вмешался Калашников, - может мы и находимся здесь для того, чтоб в случае отступления противника перерезать ему дороги и не дать возможности ускользнуть в Финляндию?

— Может быть и это, - как бы согласившись с мнением Калашникова, проговорил Бигдан, лежа на животе и покатывая губами сорванную травинку.

На рассвете второго дня нас предупредили, что к полудню должен подойти партизанский отряд и мы его должны пропустить. Далеко на подступах к нашему расположению их заранее вышли встречать разведчики, а уж через нас их сопровождал комбат Ломов. Мне очень хорошо запомнился командир партизанского отряда, шедший впереди. Высокого роста, худощавый, черноват на лицо и очень походил на грузина, в Кожаной куртке и с биноклем на груди. За ним шли друг за другом около сорока хорошо вооруженных партизан с туго набитыми рюкзаками за плечами и с обмотанными топорами и пилами. Было и несколько женщин, тоже несшие на себе большие ноши, Большинство из них были одеты под финских солдат, но с красными звездочками на каскетках. Шли они молча, лишь взаимно приветствуя киванием головы или помахиванием рук. Разговаривать или расспрашивать их не разрешалось. Перейдя границу, они скрылись в лесах Суоми. И

больше их не встречали. Но мы были рады их видеть, как на силу способную наносить ощутимые удары по врагу с тыла, содействуя нам. И В этом мы не сомневались.

Вступая на территорию сателлита

20 или 21 июля мы получили приказ: "О переходе Государственной границы и перенесении военных действий на территорию фашистского сателлита - Финляндии". Одновременно командование предупредило, чтобы мы пока соблюдали осторожность, так как противник ничего не знает о нашем здесь присутствии, хотя его частей впереди нашими разведчиками не обнаружено и дорогу для себя он считает еще свободной. По-прежнему противник всё ещё удерживает наши части с фронта, недалеко от Поросозера.

После этого сообщения настроение у всех было приподнятое.

— Теперь пусть они испытают на своей шкуре, что такое война и не все им воевать на нашей территории! - начал разговор Калашников, как только зачитали нам приказ и стали тщательно готовиться к переходу.

— Неплохо бы еще и Финляндию пополам перерезать, а там-то ее по частям легче будет бить, - добавил Бигдан.

— Вот мы как раз для этого-то и идем! - как бы всерьез ответил Бигдану Калашников.

— Тогда Маннергейм мир запросит, - вставил Забусов.

— А хрен-то с ним! Мы и на это согласны, лишь бы вывести их скорей из войны, а там уже и до Гитлера доберемся! - задорно ответил Калашников, как бы за всех.

Осторожно перешли границу и, углубившись на 6-8 километров, свернули вправо на узкую проезжую лесную дорогу, которая вскоре вывела нас к обширной поляне, обнесенной изгородью, и подступившим: к ней вплотную нетронутому крупному лесу. Посреди нераспаханного и заросшего бурьяном поля одиноко стоял двухэтажный рубленый дом с пристройками около озера Сусмяярви. Хозяев не оказалось. В нем и разместился штаб нашего I-го батальона.

Сразу же 3-му мин взводу было поручено боевое охранение штаба со стороны лесной дороги, по которой только что вошли сюда, находясь в километре от шоссе, и примыкавшим к ней на левом фланге концом озера. На этот период меня назначили временно помкомвзводом к л-ту Королеву. На отведенном нам участке расставили попарно скрытые посты—секреты, а автоматчики вдоль шоссе.

Накинув на себя плащ-палатку, я часто выходил один проверять посты, находившихся друг от друга на большом удалении, со взведенным автоматом, так как ходить одному лесом далеко было небезопасно. Вот уже прошло трое суток, как без пищи, а артиллерии с боеприпасами и продовольствием все еще нет. За это время никакого движения по шоссе не замечено. Заглушали желудки курени ем, которого кстати тоже становилось у каждого все меньше и меньше. Стали и это экономить. Посоветовавшись, л-т Королев разрешил мне порыбачить с берега озера, находившегося под наблюдением нашего участка. Нашлась проволока для крючков, нитки и червяки. Спустился к озеру, предупредив своих ребят, чтоб они еще внимательней смотрели за своим сектором, где я буду рыбачить. Клевало хорошо, но Окушки все были как один среднего размера. Несколько сорвалось. Но рыбалка была не из удобных и приходилось все время посматривать по сторонам, держа автомат наготове и не прозевав её вовремя подсечь. Без всякой приправы сварили уху, и каждому досталось по одному Окушку, да несколько ложек ущицы. На другой день сварили несколько котелков грибовниц.

Передовой пост автоматчиков, окопавшись и замаскировавшись у шоссе, заметили вдали спокойно катившихся четырёх самокатчиков и решили захватить их врасплох без кровопролития, подпустив к себе как можно ближе. Увидев перед собой советских воинов в направленных на них автоматами и предлагая им сдаться, развернулись и быстро наутёк. Поневоле пришлось по ним открыть огонь. Двоих срезали, а остальным удалось скрыться. Заслушав автоматные очереди с дальнего поста, мы насторожились. Через полчаса доставили в штаб тяжело раненного финского солдата, второй же скончался в пути. Комбат майор Ломов через переводчика допросил пленного финна. Он сообщил, что появление русских в своем тылу, как для него и его товарищей было неожиданностью, так как фронт был еще и далеко и они спокойно, не опасаясь, ехали по дороге, балагурия. И что они являлись разведкой своих передовых частей, которые должны были подойти через день-два снятых с южных участков фронта. Через несколько часов и этот скончался.

Теперь уже о нашем присутствии узнал враг, и мы в тот же вечер снялись и ускоренным маршем по дороге двинулись в глубь его территории. Сходу вошли в опустевшую деревню Пуороярви, тщательно проверив в домах квартиры, чердаки и подвалы - ни одной живой души в них, даже кошек и собак. Все вещи были вывезены. Колодцы отравлены. Некоторые двери домов - минированы. Этот поселок мы не могли сразу заметить, пока не подошли к нему вплотную. Финские одноэтажные домики с островерхими крышами стояли среди росших крупных стволов деревьев, сливаясь с общим фоном леса и надежно скрывая их как бы от постороннего взгляда. Только лишь, но

картофельному полю с ее зеленеющей ботвой по другую сторону дороги можно было догадаться, что где-то здесь есть поблизости жилье человека.

К утру следующего дня подошла долгожданная артиллерия, подводы с боеприпасами и продовольствием. Стало веселее.

Оставив Пуороярви, двинулись дальше, углубляясь в его тыл. Через несколько часов вошли в соприкосновение с небольшими отрядами противника и после короткого боя заставили его отступить. Чем дальше продвигались, тем упорнее становилось его сопротивление. Продвижение замедлилось, но упорно шли вперед, вышибая с очередного рубежа. Наш батальон в ходе наступательных боев, с 20 июня от станции Масельская, из-за потерь стал намного мало числен и надеяться на какие-то резервы, а тем более, действуя самостоятельно вдали от фронта в его тылу, или смену, чтоб передохнуть, как было до Поросозера, не приходилось. Упорно шли на пролом, не смерть, зная, что с каждым нашим успехом приближался час расплаты и к окончательному разгрому врага. Тем более, что воюем на его территории, а это много значит!

Враг упорно сопротивляется

На одном из рубежей в низко болотистой и лесистой местности на подступах к большому поселку Иломанси противник вновь остановил нас. Мы устроились с Сафаровым за невысоким продолговатым валом вдоль узкой речушки - ручья, протёкшей спокойно позади нас, которую сходу можно было перепрыгнуть. Впереди нас пролегало кочкообразное, суховатое болото с редкой растительностью. Отсюда, левее дороги, Сафаров корректировал огонь мин батареи. В течение дня несколькими атаками не его позиции со шквальным огнем минометов и артиллерии нам не удалось его выбить и задержал почти на сутки.

— Вот, сволочь, крепко цепляется за свою землю! Не хочет нам ее уступить, огрызается! - Сердито проговорил Сафаров, после неудавшейся попытки выбить его с рубежа. - Чует, что ему приходит конец!

На другой день, 31 июля, готовясь к решительному сражению, к нам неожиданно подошел свежий стрелковый взвод, состоявший из молодых еще не обстрелянных ребят и прямо с марша, вступили в бой. Стоит сплошной гул и треск разрывов. Атаки следуют за атакой. ВАР: сбоку от меня в нескольких метрах, молодой боец крикнул: "Мама"!

— Ты что кричишь? - быстро повернув голову в его сторону, 2 спросил Сафаров, услышав впервые в бою слово: "мама!"

— Что-то у меня нога не действует, - чуть не плача, ответил он.

— Отползай быстро назад! Коновалов, окажи ему помощь! - приказал мне Сафаров, продолжая корректировать огонь.

Оттащил его за вал и, осторожно вспоров японским ножом брючину, его индивидуальным пакетом перевязал кровоточащую пулевую рану на ноге.

— Теперь все в порядке. Лежи пока здесь. Придут санитары и тебя заберут, - успокаивающе сказал я бойцу с пушкой еще не рыльце и обратно пополз к Сафарову.

Через несколько часов подошел ещё стрелковый взвод штрафников, но уже с танком. И снова завязался бой. Точный и плотный огонь противника не давал нам возможности ворваться в его расположение, прижимая нас к земле, что даже временами нельзя было поднять головы. Атаковали его и с флангов, стараясь проскочить, но везде встречали упорное сопротивление. С каждой минутой огонь с обеих сторон усиливался.

В разгар боя подошла бронированная машина, из нее вышел какой-то офицер, по всей вероятности из штаба, и, выяснив обстановку, подозвал к себе командира танка.

— Почему не атакуете? - спросил офицер.

— Там, товарищ полковник, на повороте дороги стоят две противотанковые пушки, и они сразу же могут нас подбить, - ответил командир танка.

— А вы пытались их своим огнем сбить?

— Нет! Считаю бесполезно и шансов на успех мало.

— А вы попробуйте, поддержим огоньком! – настаивал полковник.

— Всё равно не удастся, подобьют как куропатку.

— Всё! – резко прервал офицер танкиста. – Забирайся в танк и немедленно атаковать!

Танкисты что-то колебались и не решались. Тогда долго не думая, полковник приказал командиру противотанковых пушек, у которых пушки стояли по обе стороны дороги в кустарниках:

— Выкатить два орудия и установить их позади танков!

Артиллеристы быстро выполнили приказ, заняв боевое положение.

— Если вы сейчас же не пойдете, - сердитым тоном передал он по радиации танкистам - по приказу артиллеристам расстрелять вас в Ж!

Танкисты, увидев направленные не них орудия, рванули и с: бешеной скоростью, стреляя на ходу, ворвались в расположение противника и так стремительно, что враг не успел даже опомниться и сделать ни одного выстрела по танку, как были смяты гусеницами танки вместе с прислугой. И бойцы с криком: "Ура-а-а!" они бросились в атаку, уничтожая в панике финнов, разбегающихся по лесу, оставляя десятки трупов. Рубеж взят, но он достался нам не легко. Крепко цепляется проклятый враг за свою землю. Да и по-всему чувствуется, что мы имеем дело со свежими его главными силами, переброшенными с каких-то участков фронта, и бои теперь будут кровопролитными и тяжелыми по мере продвижения вперед.

— Эх, танков бы побольше нам, да штурмовиков бы с воздуха которых мы давно не видели, тогда бы веселее было нам бить его в ХВОСТ ив гриву, - задумчиво говорил Сафаров.

Как только выбили противника с рубежа, Сафаров сразу же передал об этом капитану Петранюку на мин батарею.

— Смотрите сами связь и догоняйте нас. Ждать вас не буден приказал к-н Петранюк.

Сафаров приказал это выполнить мне, тогда как мог все это попутно сделать находившийся при батарее Калашников; но почему-то к-н приказал нам? Мин. батарея от НП находилась всего в 400 метрах. Быстро смотал связь и вернулся на прежнее место, где поджидал меня Сафаров. Мин батарея ушла вперед. В это время со стороны дороги подошел незаконный нам офицер-лейтенант и, подойдя ко мне приказал:

— Товарищ боец! Немедленно приступайте выносить с поля боя раненых!

Приказ л-та ошеломил меня. Несколько секунд как бы был в состоянии шока, быстро соображая про себя, что к чему: "По уставу я не имею никакого права уклоняться от боя во время успешного развития боевых операций и в преследовании противника, оставаясь в тылу под видом оказания помощи раненым. За уклонения от боя – трибунал. Возможно, и расстрел. Кому и зачем это надо? Тем более мне, когда я ещё невредим и живой. Нас с нетерпением жду наступающие части. И тем более, что санитарная машина уже подошла и раненных уже выносят». Я ему ответил:

— Товарищ л-т! При мне есть командир отделения корректировщиков мин батареи старший сержант Сафаров и только его я выполняю приказы!

Лейтенант быстро повернулся от меня и, подойдя к Сафарову, находившемуся от меня в трех шагах, приказал:

— Приказываю вам, тов. сержант совместно с бойцом вынести всех раненых!

— Тов. л-т! Я имею боевой приказ от командира мин роты: смотать связь и немедленно следовать к наступающим частям, не задерживаясь, - пояснил ему Сафаров.

— Прошу выполнить мой последний приказ! В противном случае. - и выхватив из своей кобуры наган, направил его на Сафарова.

— Прошу выполнить мой последний приказ!

Сафаров подчинился. Пошли к дороге, где уже стояло несколько санитарных машин. Дали носилки и пошли подбирать раненых. Во многих местах на болоте горел сухой мох. Разыскали и вынесли шестерых раненых, из которых двое - без памяти, но с признаками жизни. Тут же у машин их приводили в чувство уколами врачи. После этого Сафаров обратился к л-ту за разрешением быть свободным. Но он снова послал нас проверить местности правее дороги. Там никого из раненых не оказалось и были вынесены все другими. Только тогда разрешил нам быть свободными.

— Кто вы будет, товарищ л-т? - обратился к нему Сафаров с вопросом.

— Из особого отдела, - спокойно ответил он, слегка улыбаясь и сощурив немного глаза, говорившие, что всё-таки я вас мол заставил под силой оружия выполнить мои приказания.

— А как нам быть, если капитан не поверит, что мы задержались, выполняя ваше приказание? - беспокоясь, спросил Сафаров.

— Передайте ему, что я сам часа через два буду у вас на батарее, если не поверит. Но думаю, что поверит, - ответил л-т и, повернувшись, направился к санитарным машинам.

Мы быстро удалялись по сухой и пыльной дороге, внимательно поглядывая по сторонам, держа наготове автоматы. Через два с половиной-три километра нас встретил давно поджидавший с нетерпением, широко расставив ноги посреди дороги, как бы преграждая нам дальнейший путь, капитан Петранюк. Слева у обочины дороги её озабоченно стояли наши ребята - батарейцы, ожидая развязки.

— Ну, сейчас нам будет баня, - сказал я Сафарову, шавая рядом, когда до капитана осталось еще метров 150—200.

— А мы-то причем, если нас л-л заставил под силою оружия?

— Где вы были? - строго спросил комроты, обращаясь к Сафарову и бросая свой испытывающий взгляд по очереди, то на Сафарова, то на меня.

— Выполняли приказ л-та особого отдела: выносили раненых, товарищ капитан!

— Не может быть! Не верю! - повысил свой Голос к-н и, не подумав, спросил. - Как его фамилия?

— Не сказал, да я и сам потом забыл спросить у него, выполнив его приказ под силою оружия. Только сказал, что сам будет у нас на батарее часа через два, если вы, товарищ к-н, не поверит пояснил Сафаров.

— Обоих под арест, до выяснения!

И, отобрав у нас автоматы, патроны и гранаты, приставили часовых. Обезоруженные, лежали. на животе, облокотясь, на хорошо гретой и сухой мшистой траве ,среди невысоких редких сосен, все время поглядывая в уходящую даль дороги и с нетерпением поджидая паление лейтенанта. Батарейцы ели сытный обед, а нам не хотелось: пропал аппетит.

Чуть раньше двух часов, заметил одиноко идущего по дороге офицера и узнал его. В ту же секунду легко толкнул в бок Сафаров, показывая ему рукой на появившегося на горизонте л-та.

— Это он, - подтвердил Сафаров и немедленно сообщил об это» капитану.

Капитан, не задерживаясь вышел на дорогу и, встретив л-та, подорвался с ним.

— Вы, случайно не заставили моих ребят выносить раненых? - спросил у него капитан.

— А что такое?

— Да вот говорят, что вы заставили их под силой оружия? Правда иль нет?

— Да, было. №, вы, что - не поверил им?

— Да.

— А зря. Поэтому я решил зайти к вам на всякий случай. Где сейчас?

— Под арестом.

И капитан с лейтенантом, не торопясь, подошли к нам. Мы встали.

— Эти двое и есть, которых я заставил, - сказал л-т капитану, держа за спиной руки и немного наклонившись к нам, добавил. - Вот и вое в порядке, а вы беспокоились. - И, также неспеша, спокойно, держа руки за спиной, как подходил к нам ушел по направлению к передовой, что была, в шестистах-семистах метрах от батареи.

С нас, как гора с плеч.

— Не дай бог, попадаться больше ему на глаза, - сказал Сафаров, обращаясь к капитану. - Хорошо еще, что он зашел сюда, а если бы нет? Или мало ли что с ним могло случиться, тогда как?

Капитан только улыбнулся и ничего не сказал.

Вернули все, что отобрали. Появился и аппетит. Хорошо закрепились рисовой кашей с густо заправленным американским колбасным фаршем. Не задерживаясь, Сафаров сразу же ушел на КП, где находился один Калашников. Я ожидал дальнейшего распряжениями, находясь при капитане.

Через 10-15 минут после ухода на КП Сафарова, вышли и мы вдвоем с капитаном на передовую для ознакомления с местностями и обороной противника. Узкая речка шириною 50-80 метров и была естественным рубежом, отделявшая нас от противника. Его берег был выше и с более густым, высоким лесом. Наш же - низкий, с узкой полосой леса, тянувшегося вдоль берега спокойной речки, за которой была обширная поляна с редкой и низкой травянистой растительностью. Её-то мы и преодолевали по-пластунски, чтоб добраться до своего КП. Из неглубокой, полусырой, вырытой ячейки, чуть приподняв голову, по очереди наблюдаем за противоположным берегом, лежа, трое корректировщиков: Сафаров, Калашников и боец из 2-ой мин роты.

— В невыгодном положении мы находимся. Да и наша сторона хорошо просматривается противником, - сделал заключение капитан.

И мы вновь поползли вдоль опушки леса, ближе к дороге вправо, а затем, через полусырую поляну, усеянную воронками, где заметили в стороне едва бьющийся из-под земли родник и спокойно стекавший в речку. Капитану захотелось пить. Я набрал в каску отстоявшейся болотной воды из воронки. Он посмотрел на буроватую жидкость, поморщился и пить не стал.

— Хотелось бы родниковой, - сказал он, повернувшись набок.

Внимательно прикинув свой путь и направление солнца, обратился к капитану:

— Разрешите, товарищ капитан, без каски, а то от нее блеск от солнца будет и могут заметить?

— Можно... - не сразу ответил он.

Глубже натянув выгоревшую пилотку, гармонирующую местности, медленно пополз, прижимаясь плотно к земле, к открытой местности из-за прикрывавшей опушки

леса к источнику откуда хорошо было видно вражеский берег. Осторожно набрал во флягу прозрачной холодной воды из родника и так же медленно, развернувшись, возвратился к капитану.

— Вот это водичка, я понимаю! Родниковая! Сразу как-то стало легче на душе!
— напишись, сказал капитан.

Вскоре мы благополучно вернулись на батарею.

Сражение на подступах к поселку Иломантси

Жарко. Через два часа я должен был сменить Калашникова на НП. Прилег в тени кустарника и быстро уснул. Не прошло и полутора часов, как внезапно поднял меня грохот разрывов, вблизи нашей батареи. Сон как рукой сняло. Быстро вскочил и к телефонисту, где уже был капитан. Из всех видов оружия Ирен ник открыл внезапно огонь по нашим позициям.

- Ориентир "Уголь"! Беглый! - повторил телефонист команду Сафарова с НП.
- Ориентир "Уголь!" - отдал команду командир мин роты капитан Петранюк
- Готово! - докладывал/один за другим офицеры батареи.
- Батарея! Беглый огонь! - вновь отдал команду к-н.

Немедленно открыла огонь и вторая мин батарея, находившаяся по другую сторону дороги.

Гудит воздух, стонет земля от сплошных взрывов снарядов и мин, что не было слышно в этом грохоте свиста пуль и визга осколков. Повисла в воздухе сплошная завеса из пыли и дыма с острым запахом толовой гари, застилая собою горизонт и солнце, "Ну, началось!" - подумал я, присев, в ожидании приказа. Попрежнему рвутся снаряды возле батареи, только осколки свистят. И по-всему чувствовалось, что он во что бы то ни стало стремится выбить нас с этих позиций. Усилился огонь на флангах. Внезапно прервалась связь с НП.

— Быстро на НП к Сафарову! Если что случилось с ними— корректировать огонь! Попутно проверить связь, если нарушена - восстановить! - приказал мне капитан.

Вскочил и быстро стал удаляться кустарником, сращивая обрывы, среди непрекращающихся разрывов. Дальше пошел редким кустарником и попал под артогонь противника. Не останавливаясь, бежал вдоль цельного провода, не обращая внимания на рвущиеся возле меня снаряды, бросавший меня из стороны в сторону, что едва удерживался

на ногах и обдавало грязью. Удачно выскочив из-под артогня на открытую местность, перешел на короткие и стремительные перебежки в снов попал в зону автоматного огня противника. Залег. Вокруг рвались и свистели пули, скашивая короткие стебельки трав. Понял, что попал в зону видимости, Надвинув еще глубже каску и плотнее прижавшись к земле, упорно продвигался вдоль провода к НП. Ещё осталось каких-нибудь метров 70—80% как заметил едва ползущего на встречу мне Сафарова. Вид у него был какой-то неестественный, словно был пьян. Мы сблизились.

— Ранен? - спросил у него.

— Вот! Голова шумит да кружится, Какая-то слабость в теле, - слегка покачивая головой, ответил он.

— Тогда что же случилось? - вновь спросил его.

— Финская ротная мина угодила прямо в спину корректировщика из второй мин батареи, что лежал между мной и Калашниковом. Его убило, а нас с Калашниковым контузило. Калашников выползти не мог, еще живой. Возможно, он тяжело ранен. Я все же выполз из ячейки - поведал Сафаров.

— Ползи в тыл, а я на НИ корректировать огонь! - сказал ему, приготовившись ползти дальше.

— Там тебе нечего делать. Аппарат разбит. Давай быстро на батарею и сообщи капитану, чтоб немедленно снова открыл огонь по «Углю», а то финны переправляются через речку и насаждают. А я сам потихоньку поползу, - приказал Сафаров. Быстро пополз обратно, оставляя позади себя медленно ползущего Сафарова. Справа усилился огонь противника и разделив их воодушевляющие крики: "Аля-ля-ля-я-я..." и отрывочные команды. Сразу перешел на короткие перебежки. Удачно сделал, две, но на трет меня скосила автоматная пуля, угодив в правую ногу и перебив кость. Упал, повернувшись вокруг себя. Было такое ощущение, что как будто наступил на голый провод с высоким напряжением. Осмотрелся, но ого было. А вокруг неистово слышен вой пуль, да резкие хлопки разрывных пуль, скашивая стебельки травинки. Пришлось ползти, упираясь одной ногой и тащить за собой непослушную раненную ногу. Продвижение резко замедлилось, нагнал Сафаров.

— Быстрее на батарею! Что задерживаешься!? - голосом, не требующим возражения, крикнул он мне.

— Ранен в ногу и тяжело ползти.

— Тогда ползи за мной, - сказал он.

И в это время ваши артиллеристы выкатили несколько пушек на открытую поляну и прямой наводкой через наши головы ударили шрапнель по атакующему неприятелю. Снова открыли огонь наши мин батареи. Видно, сами поняли, что положении для нас усложнилось и дорога была каждая секунда. Тем более, что крепко нажимал враг с левого фланга. Атака, противника захлебнулась.

— Эх, была не была! - вскочив, сказал Сафаров, и, взвалив меня на свои плечи, понес к открытым позициям артиллеристов, что было в ста пятидесяти метрах до них. А от них в сторону к дороге, где была неб. большая опушка леса. Чудом повезло, хотя вокруг словно шмели жужжал пули и ни одни не задела. Только вошли в эту одинокую опушку по дороге, как ударили по нам из миномётов. Опять запрыгали огненные вспышки мин, раскидывая по сторонам осколки. Сафаров опустил меня спиной на землю и сам залег по другую сторону дороги лицом вниз. Ещё кучнее стали ложиться мины. Одна из них разорвалась в двух метрах от меня за спиной (лежал, повернувшись на левый бок и закрыв лицо руками) и несколько осколков впились в лопатки. «Ну, думаю, добьют, сволочи!». Через некоторое время обстрел прекратился. Мы с Сафаровым зашевелились – значит живы.

— Надо спешить, - сказал Сафаров, приподнимаясь на руках, чтоб быстрее вскочить на Ноги, но встать не мог. Ноги его не слушались. Он был ранен. Над его левой бровью кровоточилась рана, заливая глаз. Другие осколки впились ему в позвоночник и ноги перестали слушаться, хотя он сам этого не почувствовал сгоряча сразу. Подбежали двое санитаров и его унесли на носилках, а вскоре и меня. На поджидавших в лесу подводах Сафарова не оказалось, его успели увезти до меня с другими ранеными.

Проезжая мимо своей встретил капитана Петранкка, он остановил телегу. Коротко рассказал ему обстановку и что просил передать Сафаров.

— Я уже в курсе. Он мне все доложил, - ответил капитан спокойно, с задумчивым видом.

Мне, конечно, были понятны переживания капитана, с которым прошли вместе тяжелые дороги войны и уже громили фашистского сателлита – Финляндию в его собственной берлоге, преодолевая все трудности и лишения, и после каждого боя, продвигаясь вперед, терять своих боевых товарищей. И тем более потерять сразу трёх корректировщиков-разведчиков в одном из тяжелых сражений и самого опытного из них черноморского моряка – Юрия Сафарова.

Попрощался с подошедшими батарейцами, и они пожелали скорейшего выздоровления и обратно и на батарею. Подвода тронулась, везя в санбат.

Это было 31 июля 1944 года около 5-6 вечера на подступах к поселку Иломанси, где я получил второе тяжелое ранение уже на территории Финляндии, в его логове.

Архангельск.

Февраль 1968 – декабрь 1970 г. Коновалов.